

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**2(4)
2015**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2015

Технический редактор

С. В. Шумов

Автор перевода

Я. В. Зайчиков

Верстка оригинал-макета:

С. В. Шумов

На 4-й полосе обложки размещена фотография Е. Осиповой

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Адрес учредителя:

*600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

Адрес редакции:

*600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203*

Адрес электронной почты:

*vestnikvlg.u.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 27.03.2015

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 9,75

Тираж 1000 экз.

Заказ № 6/3

Отпечатано

в ООО «Издательство

”Шерлок-пресс”»

600001, г. Владимир,

ул. Студеная гора, 36а

Редакционная коллегия серии

«Юридические науки»

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>З. А. Аскеров</i>	кандидат юридических наук, Ph D, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Е. Е. Каймульдинов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. С. Подшибякин</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Р. А. Ромашов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. А. Сергеев</i>	кандидат исторических наук, Ph D, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Головинская И. В. Конституционное право граждан участвовать в отправлении правосудия и принцип независимости судей: проблемные вопросы.....	5
Головкин Р. Б. Понятие пенитенциарного правового явления	12
Катеева Д. Р. Государственная власть: особенности определения, общая характеристика	17
Крайнова Е. Р. Аппарат суда апелляционной инстанции: история и современность	20
Марков А. М. Обычаи, нормы права и явление преступности: историко-правовой взгляд	26
Мельников А. С. Некоторые аспекты исследования правовых рекомендаций, регламентирующих исполнение наказаний.....	34
Петрова И. Л. Инвективность в проекции на проблемы юрислингвистики.....	38
Третьякова О. Д., Журавлёв В. И. Особенности методологии исследования осуществления благотворительности в современной России	47
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	
Башимов М. С. Взаимодействие Республики Казахстан с Советом Европы	58
Зарубин И. С. Включенность Российской Федерации в процесс обеспечения международной экономической безопасности государств и институт выставочно-ярмарочного и конгрессного дела	64
Климова Ю. Н. Антикоррупционное направление безопасности субъектов избирательного права	78
Сведения об авторах	91
Правила оформления и предоставления рукописей	95

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Golovinskaya I. V.

Constitutional Law of Citizens to Participate in Administration of Justice and a Principle of Independence of Judges: Problem Issues	5
--	---

Golovkin R. B.

The concept of prison legal phenomenon	12
--	----

Kateeva D. R.

State Power: Defining Characteristics, General Characteristics.....	17
---	----

Krajnova E. R.

On the Issue of the Device of the Court of Appeal: Past and Present	20
---	----

Markov A. M.

Customs, Rules of Law and Crime: Historical and Legal Opinion	26
---	----

Mel'nikov A. S.

Some Aspects of the Study of Legal Advice, Regulating Penal.....	34
--	----

Petrova I. L.

Invective in the Projection of the Problems Yurislilingvistiki.....	38
---	----

Tret'yakova O. D., Zhuravlev V. I.

Features of the Research Methodology and Charity in Modern Russia	47
---	----

CURRENT ISSUES BRANCH JURISPRUDENCE AND LAW ENFORCEMENT

Bashimov M. S.

The Interaction of the Republic of Kazakhstan with the Council of Europe.....	58
--	----

Zarubin I. S.

Involving of the Russian Federation in the Process of Ensuring International Economic Security and the Institute of Fair, Exhibition and Congress Activity	64
--	----

Klimova Yu. N.

Anticorruption Direction Safety of Subjects Suffrage	78
--	----

About the Authors	93
-------------------------	----

Rules and registration of manuscripts	95
---	----

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН УЧАСТВОВАТЬ
В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ И ПРИНЦИП
НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты правовой основы и деятельности народных заседателей в уголовном процессе, оцениваются точки зрения относительно введения в уголовный процесс народных заседателей, аргументируется точка зрения о целесообразности оптимизации методов для реализации принципа независимости судей.

Ключевые слова: судоустройство, уголовное судопроизводство, присяжные заседатели, народные заседатели, суд, судебная власть, независимость судей, общественный контроль.

I. V. Golovinskaya

**CONSTITUTIONAL LAW OF CITIZENS TO PARTICIPATE
IN ADMINISTRATION OF JUSTICE AND A PRINCIPLE
OF INDEPENDENCE OF JUDGES: PROBLEM ISSUES**

Abstract. Aspects of a legal basis and activity of jurymen in criminal trial are considered, the points of view concerning introduction in criminal trial of jurymen are estimated, the opinion on expediency of optimisation of methods for realisation of a principle of independence of judges is given reason.

Key words: judiciary, criminal proceedings, jurors, lay judges, court, judicial authority, independence of judges, public control.

На протяжении своего развития общество всегда стремилось и продолжает стремиться разработать наиболее оптимальные формы судоустройства и судопроизводства с целью создания справедливого, скорого и доступного суда, поскольку состояние правосудия является показателем развития правовой культуры и уровня демократизации общества. Немало изменений претерпело уголовно-процессуальное законодательство. Вводились новые институты, изменялась компетенция

субъектов, дифференцировались порядки производства по уголовным делам. Порой законодатель возвращался к применяемым ранее институтам. Так, в истории уголовного процесса дважды появлялись присяжные заседатели и мировые судьи. Их положительный опыт работы в XIX в. вновь стал востребован на рубеже XX–XXI вв. – в эпоху проводимой в стране судебной реформы, началом которой стало принятие 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР Концепции судебной реформы в РСФСР.

Ключевыми ориентирами в ходе поисков оптимальных форм осуществления правосудия всегда были: развитие демократических основ в уголовном процессе, обеспечение прозрачности, гласности и гуманности, создание процессуальных условий для беспрепятственной реализации прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства, приведение норм внутреннего законодательства в соответствие с основополагающими международными стандартами, представляющими базовые завоевания человечества в сфере обеспечения и защиты прав человека.

Как и прежде, сегодня в уголовном процессе остаются неразрешенными вопросы о соотношении понятий и содержания таких категорий, как «независимость судей», «невмешательство в деятельность судей», «общественный контроль за судебной деятельностью», «сокращение сроков производства по уголовным делам» и «процессуальная экономия». Не прекращаются дискуссии об участии «народного элемента» в осуществлении правосудия, продолжают споры о качественном и количественном составе граждан, участвующих в разрешении уголовных дел наряду с профессиональными судьями. Причина этого кроется в тонкой грани между судебской независимостью и гражданским контролем, длинном перечне проблем, связанных с участием граждан в судопроизводстве.

Вместе с тем на страницах юридических изданий вновь и вновь обсуждаются вопросы о расширении сферы общественного контроля в уголовном процессе России. Повышение интереса к данной проблематике обусловлено поручением главы государства

верховному суду страны, правительству администрации Президента Российской Федерации, Генпрокуратуре и Совету при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека подготовить предложения о расширении применения института присяжных заседателей. В этой связи ученые и практики высказывают различные предложения, касающиеся численного состава коллегий присяжных заседателей, их полномочий в уголовном процессе, а также возврата в уголовный процесс института народных заседателей.

Данный институт имеет отечественные корни и является чисто советским нововведением. Отказавшись от пережитков прошлого и ликвидировав дореволюционное законодательство, в том числе устранив суд присяжных, советская власть не смогла полностью отказаться от участия «народного элемента» в уголовном процессе. Местным судам предписывалось решать дела «именем Российской Республики и руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»¹.

Декрет ВЦИК «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» от 30 ноября 1918 г. в ст. 7 устанавливал следующее: «Народный суд действует в составе постоянного народного судьи и шести очередных народных заседателей при рассмотрении уголовных дел: о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечья, изнасиловании, разбое, подделке денежных знаков

¹ О суде : декрет СНК РСФСР от 24 нояб. 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50.

и документов, взяточничестве и спекуляции монопольными и нормированными продуктами потребления»¹.

Принятый в дальнейшем декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. также предписывал рассматривать уголовные дела в составе народного судьи и шести очередных народных заседателей².

УПК РСФСР 1922 г.³ допускал различные составы судей для рассмотрения уголовных дел: единолично народным судьей, народным судьей и двумя народными заседателями, народным судьей и шестью народными заседателями. Причем в силу ст. 26 УПК РСФСР преступления, предусмотренные ст. 142–150, 160–162, 166–171, 183 и 197 УК РСФСР, рассматривались исключительно в составе народного судьи и шести народных заседателей. Все остальные дела, подсудные народному суду, подлежали рассмотрению в составе народного судьи и двух народных заседателей. При этом народный суд с участием двух народных заседателей, президиум Совета народных судей, губернский прокурор и прокурор Республики были вправе, по особому каждому раз постановлению, передавать отдельные дела в случае их особой сложности или государственного или общественного интереса на рассмотрение народного суда с участием шести заседателей.

УПК РСФСР 1923 г.⁴ сократил число участвующих в рассмотрении уголовных дел народных заседателей до двух человек. Согласно ст. 24 УПК РСФСР 1923 г. народный суд рассматривал уголовные дела в составе: единоличного народного судьи, народного

судьи и двух народных заседателей. Причем количество составов преступлений, уголовные дела о совершении которых народный судья мог рассмотреть единолично, было невелико: это были исключительно дела, предусмотренные ст. 81 без литер, ч. I ст. 139а, ст. 215–227 УК РСФСР. Все остальные дела, подсудные народному суду, подлежали рассмотрению в составе народного судьи и двух народных заседателей.

УПК РСФСР 1960 г.⁵ предусматривал участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел. Так, в силу ст. 15 уголовные дела во всех судах рассматривались судьями и народными заседателями, избранными в установленном законом порядке. Рассмотрение уголовных дел во всех судах в первой инстанции производилось в составе судьи и двух народных заседателей.

УПК РСФСР 1960 г. уравнивал в правах народных заседателей с председательствующим в судебном заседании в решении всех вопросов, возникающих при рассмотрении дела и постановлении приговора. Декларировалась независимость и подчинение только закону как судей, так и народных заседателей (ст. 16). Судьи и народные заседатели разрешали уголовные дела «на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием, в условиях, исключающих постороннее воздействие на них».

В силу ст. 306 УПК РСФСР 1960 г. постановлению приговора предшествовало совещание судей (согласно п. 5 ст. 34 народные заседатели относились к числу судей), все вопросы решались

¹ Изв. ВЦИК. 1918. 8, 10 дек.

² СУ РСФСР. 1920. № 83, ст. 407.

³ Там же. 1922. № 20–21, ст. 230.

⁴ Изв. ВЦИК. 1923. 18 февр.

⁵ Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

простым большинством голосов, устанавливался запрет на отказ от голосования. В отличие от предшественников, УПК РСФСР 1960 г. закреплял право председательствующего или народного заседателя на особое мнение, которое без объявления в судебном заседании приобщалось к уголовному делу.

В УПК РСФСР 1960 г. вносились многочисленные поправки, изменения и дополнения. В 1993 г. полномочия народных заседателей были значительно сужены. УПК РСФСР содержал перечень преступлений, рассмотрение уголовных дел по которым допускалось без участия народных заседателей. Современная редакция УПК РФ не предусматривает таких субъектов, как народные заседатели.

Необходимо отметить, что ни один из действовавших законодательных актов, регулировавших участие народных заседателей, не называл конкретной цели их участия в уголовном процессе. Представляется, что, во-первых, это была дань традициям отечественного законодательства, во-вторых, ставились под контроль общественности деятельность суда и реализация демократических основ посредством предоставления гражданам Российской Федерации права участвовать в осуществлении правосудия.

Трудно оценить, насколько велика была роль народных заседателей в деле правосудия и защиты прав и законных интересов граждан. Большинство авторов склоняются к тому, что принимаемые народными заседателями решения крайне редко отличались от решений

председательствовавших судей. Не частыми были и особые мнения народных заседателей. То есть можно говорить об их пассивности, о «декоративности» этого института, о том, что народные заседатели играли роль статистов в суде. Для такого заключения, вероятно, были основания. Между тем необходимо учитывать исторический аспект деятельности народных заседателей, политическую и идеологическую основу, на которой строилось советское законодательство и осуществлялось судопроизводство.

Однако сегодня ставится вопрос не об оценке деятельности народных заседателей в советский период, а о целесообразности их введения в уголовный процесс в современных условиях.

Надо заметить, что, как и институт присяжных заседателей, институт народных заседателей воспринимается обществом далеко не однозначно, но при этом практически не оставляет безразличных. Респонденты, как правило, делятся на две группы: сторонников¹ и противников такой формы осуществления правосудия. Относя себя к представителям второй группы, аргументируем свою позицию.

Возвращаясь к целям реформирования уголовного процесса посредством введения института народных заседателей, следует уяснить, что находится в основе таких предложений. Представляется, что таковым является обеспечение общественного контроля за судебной деятельностью с целью принятия законных решений, а также исключение (или минимизация)

¹ Автономов А. С. О введении института народных заседателей при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних // *Вопр. ювен. юстиции*. 2013. № 3. С. 3–8; Марьин А. Е. Особенности развития суда народных заседателей в Российской Федерации в 1991–2004 гг. // *История государства и права*. 2013. № 12. С. 47–50.

случаев воздействия на судью в процессе принятия решения по уголовному делу, или же коррупционной составляющей.

Если это так, то зададимся вопросом о доверии судебной власти. Сегодня немало сделано для того, чтобы обеспечить независимость судей, запрещено любое воздействие на них при принятии решений. Разработан порядок, созданы органы и процедуры, позволяющие рассмотреть вопрос о возможности пребывания судьи в данной должности, если к тому есть основания. Сможет ли наличие института народных заседателей целиком и полностью предотвратить подобные негативные проявления, касающиеся личной заинтересованности судьи либо исполнение чьей-то воли при принятии соответствующих решений? Полагает, что нет. Если речь идет о совершении судьей должностного преступления – умышленного принятия неправомерного решения, то такой умысел, как известно, зреет заранее, и народные заседатели вряд ли будут о нем знать и смогут предотвратить его реализацию. Кроме того, народные заседатели – это люди, не только исполняющие гражданский долг, но и имеющие свои интересы, на них может быть также оказано чужое воздействие, либо они могут быть подчинены своим, не всегда праведным, целям. Однако, в отличие от судей, они не будут подвержены страху потери должности и значительного социального обеспечения.

Вопрос о том, повысит ли эффективность судопроизводства наличие института народных заседателей, носит дискуссионный характер. Принятие законных решений способствуют

высокие требования, предъявляемые сегодня к кандидатам на должности судей. Кроме того, существует процессуальный механизм обжалования судебных решений. Наверное, нет оснований говорить о том, что в каждом случае коллективное совещание судьи-профессионала и двух непрофессионалов – народных заседателей поможет избежать судебных ошибок. В каждой конкретной ситуации все может зависеть в первую очередь от судьи, его опыта, знаний, сложности уголовного дела, ну и конечно, от личности, опыта и знаний народных заседателей. К тому же нельзя считать, что «умудренный» опытом 25-летний народный заседатель сможет лучше профессионального судьи разобраться в нюансах уголовного дела, уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Между тем согласно ст. 3 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»¹ именно с такого возраста лицо могло принимать участие в судопроизводстве в качестве народного заседателя.

В данной статье вовсе не отрицается тезис о том, что участие граждан в осуществлении правосудия является признаком демократии. Напротив, всецело считаем, что положение п. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации о праве граждан России участвовать в отправлении правосудия является серьезным достижением в построении правового государства, его демократических основ, в реализации прозрачности, гласности правосудия, в обеспечении высших ценностей – в защите человека, его прав и свобод.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 2, ст. 158.

Представляется, что положительно зарекомендовавший себя институт присяжных заседателей вполне удачно реализует данное положение, и в этой связи дальнейшее расширение участия граждан в судах первой инстанции в качестве народных заседателей неоправданно.

В дополнение к вышесказанному добавим, что человек на своем жизненном пути многократно сталкивается с различными областями жизнедеятельности, которые могут содержать в себе угрозы не только его правам, но и жизни. Например, медицина. Неудачная операция может привести не только к ограничению физических возможностей человека, в том числе самостоятельно передвигаться, но и к летальному исходу пациента. Однако никто не вносит предложение о том, чтобы наряду с хирургом в операционном блоке присутствовали представители народа, умудренные жизненным опытом и осуществляющие своим присутствием функцию общественного контроля за обеспечением прав граждан.

Кроме того, при немногих положительных сторонах института народных заседателей, к отрицательным следует отнести также удорожание уголовного процесса, т. е. необходимость выделения значительных бюджетных средств на обеспечение деятельности народных заседателей.

Представляется, что во главу угла следует ставить не общественный контроль за деятельностью судей, а конституционный принцип независимости судей. Мы солидарны с В. В. Кониным, который выделяет

«два основных направления реализации принципа независимости судей:

– полный запрет и последующее законное преследование любого вмешательства в деятельность судей при осуществлении правосудия;

– освобождение судей от обязанностей отчитываться перед кем бы то ни было о мотивах принятия того или иного решения при осуществлении правосудия»¹.

Общеизвестно, что сегодня судьи в той или иной степени зависят и от председателей судов, в которых они осуществляют деятельность, поскольку последние обладают всей широтой полномочий по инициированию отставки судьи, и от мнения судей вышестоящих судов, которые впоследствии могут оказаться в составе суда по пересмотру решения по уголовному делу. Усиление принципа независимости судей в большей мере способствовало бы принятию судебных решений в соответствии со ст. 17 УПК РФ: по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Кроме того, всемерное обеспечение реализации принципа независимости минимизировало бы обеспокоенность судей по поводу вынесения оправдательных приговоров, поскольку сегодня их принятие неизбежно сопряжено с определенной смелостью со стороны судьи и противопоставлением собственного мнения органам расследования и прокуратуры. Данный вопрос требует отдельного освещения, однако следует заметить, что в ряде стран про-

¹ *Конин В. В.* Конституционно-правовая природа суда с участием присяжных заседателей как одного из институтов гражданского общества // *Рос. юстиция.* 2011. № 3. С. 56–59.

цедура отстранения судьи от должности отличается от установленной законодательством России. Возможно, изменение порядка отстранения судьи от должности обеспечило бы большую степень независимости судей и их уверенность в отсутствии последствий за принимаемые в соответствии с законом

решения на основе судебного усмотрения, внутреннего убеждения.

Таким образом, изложенная наша позиция, а также мнения судей, опрошенных по рассмотренным в статье вопросам, указывают на отсутствие необходимости введения в уголовный процесс института народных заседателей.

Библиографический список

1. *Автономов А. С.* О введении института народных заседателей при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних / А. С. Автономов // *Вопросы ювен. юстиции.* – 2013. – № 3. – С. 3–8.
2. *Головинская И. В.* Отдельные вопросы судопроизводства с участием присяжных заседателей / И. В. Головинская, Н. В. Урлеков // *Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики в деятельности сотрудников УВД и УИС.* – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2010. – С. 96–102.
3. *Конин В. В.* Конституционно-правовая природа суда с участием присяжных заседателей как одного из институтов гражданского общества / В. В. Конин // *Рос. юстиция.* – 2011. – № 3. – С. 56–59.
4. *Марьин А. Е.* Особенности развития суда народных заседателей в Российской Федерации в 1991–2004 гг. / А. Е. Марьин // *История государства и права.* – 2013. – № 12. – С. 47–50.

References

1. *Avtonomov A. S.* About Introduction of Institute of Jurymen at Administration of Justice Concerning Minors. *Voprosy Yuvenalnoj Yusticii.* 2013. No. 3. P. 3–8.
2. *Golovinskaya I. V., Urlekov N. V.* Individual Questions of Legal Proceedings with Participation of Jurymen. *Actual Problems of Criminal Legal Proceedings and Criminalistics in Activity of Employees of the Department of Internal Affairs and Criminally-executive System.* Vladimir, YuI FSIN Rossii, 2010. P. 96–102.
3. *Konin V. V.* Nature of Court with Participation of Jurymen as One of Institutes of a Civil Society. *Rossijskaya Yusticiya.* 2011. No. 3. P. 56–59.
4. *Mar'in A. E.* Feature of Development of Court of Jurymen in the Russian Federation in 1991–2004. *Istoriya Gosudarstva i Prava.* 2013. № 12. P. 47–50

ПОНЯТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию определения понятия «пенитенциарное правовое явление» и его развертывания в процессах исполнения наказаний. Исследуются свойства и особенности указанных процессов, пути преодоления и минимизации интерполяции пенитенциарного законодательства.

Ключевые слова: пенитенциарная система, уголовно-исполнительное законодательство, пенитенциарные правовые явления, традиции, социальные нормы.

R. B. Golovkin

THE CONCEPT OF PRISON LEGAL PHENOMENON

Abstract. The article is devoted to the definition of prison legal phenomenon and its deployment in the processes of execution of punishments. This article investigates properties and characteristics of these processes, ways of overcoming and minimizing interpolation prison legislation.

Key words: penitentiary system, penal legislation, prison legal phenomenon, traditions, social norms.

Пенитенциарная система – это комплекс взаимосвязанных элементов, обеспечивающих исполнение уголовных наказаний и реализацию иных мер уголовно-правового и уголовно-процессуального характера. Действие права в пенитенциарной системе представляет собой сложное многоуровневое и многогранное явление, включающее в себя различные процессы, призванные выполнять основное назначение права – упорядочение отношений между людьми в сфере исполнения наказаний.

Однако достаточно часто право в пенитенциарной системе не достигает запланированных результатов. Так, в процессе правового регулирования в

силу особого положения пенитенциарной системы право искажается и подменяется другими регуляторами, т. е. происходит процесс интерполяции права в пенитенциарной системе. Внешне этот процесс выражается в различных явлениях.

Категории «явление» отводилась особая роль еще в трудах таких авторов прошлого, как: Аристотель, Демокрит, Платон, Кант и др.¹

В более или менее завершенном виде учение о явлениях было сформировано И. Кантом, который рассматривал явления (феномены) как проекции непознаваемого (ноумена) или «вещи в себе». «Явление», «ноумен», «вещь в себе» – одни из центральных понятий

© Головкин Р. Б., 2015

¹ См. об этом, напр.: Богданов Ю. А. Сущность и явление. Киев, 1962 ; Вахтомин Н. К. О роли категорий «сущность» и «явление» в познании. М., 1963 ; Кант И. Критика чистого разума. М., 1994 ; Никитченко В. С. Соотношение категорий «сущность» и «явление» в марксистско-ленинской философии. Ташкент, 1966 и др.

фундаментального труда И. Канта «Критика чистого разума»¹. «Вещь в себе» – представляется в виде сущности вещи, которая, по Канту, в принципе непознаваема разумом. На основании данного тезиса Кант утверждал, что любая вещь воспринимается субъектом познания посредством априорных форм чувственности, основанных на опыте человека, с учетом особенностей его восприятия мыслимой или реальной действительности. Иными словами, человек имеет дело в процессе познания не с реальным миром или вещью, а с их влиянием на органы восприятия и мышление, т. е. явлениями².

В социологии понятие явления трактуется несколько иначе, чем в философии. Например, П. А. Сорокин выводил сущность явлений, в частности социальных явлений, из человеческого взаимодействия, из общественных отношений. Он писал, что раз обществом как предметом изучения социологии будет группа совместно живущих и взаимодействующих (влияющих друг на друга) людей, то простейшей моделью общества будут, очевидно, два взаимодействующих индивида. Значит, для того чтобы общество могло быть, нужно по меньшей мере двое людей и чтобы эти люди были бы связаны друг с другом связью взаимодействия. Такой случай будет простейшим видом общества, или социального явления³.

В педагогике явления – учитель, ученик, воспитатель, воспитанник – составляют один из видов социальных явлений⁴.

В психологии, как и в педагогике, сущность явления выражается через видовые перечни. Чаще всего выделяется три группы психических явлений:

- 1) психические процессы;
- 2) психические состояния;
- 3) психические свойства личности⁵.

Комплексные социально-психологические явления обычно рассматриваются как закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные фактом их включения в социальные группы, а также психологические характеристики самих этих групп. Изучаются социальной психологией⁶

В юриспруденции в качестве явлений чаще всего рассматриваются государственно-правовые закономерности, которые составляют предмет юридических наук⁷.

В целом, резюмируя основные идеи философской, психолого-педагогической, юридической и социологической литературы, можно констатировать, что явления в своем большинстве воспринимаются индивидом на сознательном уровне, выражаются вовне и могут иметь как субъективную, так и объективную природу.

Законодатель не дает легальной дефиниции понятий «явление», «правовое явление» или «явление в праве»,

¹ Кант И. Указ. соч.

² Там же. С. 88–93.

³ Сорокин П. Общедоступный учебник по социологии. М., 1979. С. 15.

⁴ Кузьмин В. П. Теория педагогики. М., 1984. С. 75.

⁵ Психология. URL: <http://azps.ru/articles/cmmn/cmmn78.html> (дата обращения: 08.09.2012).

⁶ Словарь по истории психологии. М., 2007.

⁷ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 24 ; Ивайловский Д. А. Государственно-правовые явления как закономерности эволюции институтов государственности (на материалах Республики Бурятия) : монография. М., 2007. С. 20–37 ; Лескова Ю. Г. Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журн. рос. права. 2011. № 5. С. 23.

как и не дает их современная правовая наука, а уже тем более не разработано понятие пенитенциарного правового явления, обуславливающего интерполяцию права в данной системе. В связи с указанным обстоятельством, основываясь на теоретико-практическом юридическом анализе научной литературы, законодательства, правоприменительной пенитенциарной практики, выявим наиболее существенные свойства пенитенциарных правовых явлений, характеризующие интерполяцию права в пенитенциарной системе.

Во-первых, следует отметить тот факт, что пенитенциарные правовые явления – это часть правовых явлений и явлений вообще, но часть, так или иначе связанная с пенитенциарным правом, правовым регулированием пенитенциарных отношений. Следовательно, пенитенциарные правовые явления обладают теми же свойствами, что и явления вообще. Среди них – внешняя выраженность явлений; наличие субъекта восприятия явления; возможность восприятия явления органами чувств человека; осознание и сознательное отражение индивидом идеального образа явления; субъективность понимания явлений; влияние явлений на оценивание и моделирование поведения, а также на реальное поведение.

Во-вторых, неоднородность выражения и роли в интерполяции права в данной системе обуславливает разнообразие пенитенциарных правовых явлений, а следовательно, и классификацию. Пенитенциарные правовые явления можно дифференцировать по источнику явления следующим образом: объективные, относительно объективные, субъективные и субъек-

тивно-объективные. *Объективные пенитенциарные правовые явления* – это выражение вообще не связанных с влиянием человека процессов и их результатов (например, географические и климатические явления, влияющие на специфику режима содержания осужденных и подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений). *Относительно объективные явления* есть выражение процессов и их результатов, связанных с произведениями человека (например, ограждение пенитенциарных учреждений). *Субъективные явления* выражают процессы и их результаты, связанные с волей и поведением человека (например, взаимоотношения сотрудника пенитенциарного учреждения и осужденного). *Субъективно-объективные явления* – это психофизическое выражение состояний человека или его поведения, проявляемое в осознаваемых и относительно контролируемых психосоматических реакциях организма (например, половые отношения, душевная болезнь и т. д.).

Пенитенциарные правовые явления, обуславливающие интерполяцию права в пенитенциарной системе, следует отличать от явлений в пенитенциарном праве. Пенитенциарные правовые явления, обуславливающие интерполяцию права, – это выражение различных обстоятельств и процессов, влияющих на планируемое действие пенитенциарной системы и правовое поведение сотрудников, осужденных, лиц, заключенных под стражу в порядке меры процессуального пресечения, находящихся под домашним арестом, с поведением которых нормы права, как правило, связывают установление, изменение и прекращение правоотношений. Например, здесь

можно отметить психофизические явления голода, ярости и т. д., обуславливающие инициацию того или иного типа поведения и восприятия правовых норм. Явления в пенитенциарном праве выражают связи и процессы, характеризующие само пенитенциарное право и его свойства (например, уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации).

Кроме того, можно предположить, что проявление некоторых эмоций (например, страх перед авторитетами преступного мира) выступает в качестве фактора интерполяции права и пенитенциарного правового явления в двух ипостасях: с одной стороны, данная эмоция может сподвигнуть человека на совершение тех или иных поступков либо, наоборот, на их предотвращение. С другой стороны, чувство или эмоция, например, страх (устрашение) – это одна из задач пенитенциарного правового регулирования прошлого и современности в смысле частной и общей превенции правонарушений и обеспечения реализации, прежде всего уголовных наказаний.

Пенитенциарные правовые явления проходят через сознание индивидов в виде комплекса регулятивных факторов, процессов и свойств, исходящих от государства, и в результате интерполяции права, как правило, искажаются и заменяются регулятивными факторами, выработанными обществом осужденных. В этом смысле иногда даже устное обращение уголовных авторитетов или администрации исправительного учреждения к осужденным или сотрудникам в

той или иной форме образует в сознании индивидов определенную интерполированную правовую конструкцию, содержащую в прямой или косвенной (закамуфлированной) форме определенные установления в виде дозволений, запретов, позитивных обязываний, поощрений и т. д. Иными словами, высказывание или действия уголовных авторитетов и руководителей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы могут выступать в качестве явления, обуславливающего действие пенитенциарного права, и обладать определенной юридической силой¹.

В-третьих, пенитенциарное правовое явление может выражать не только действие уголовно-исполнительного права в форме его реализации (соблюдение, исполнение и использование), но и в случае нарушения правовых норм, регламентирующих уголовно-исполнительные отношения в виде различного рода интерполяций (подмен) позитивного права.

Исправительные учреждения (тюрьма, колония) и следственные изоляторы традиционно считаются местом, где действие официального права существенно искажается и подменяется другими ценностями и правилами. Фактически эти учреждения сами по себе выступают негативными пенитенциарными правовыми явлениями, символом неволи интерполированного правового регулирования. В исправительных учреждениях и следственных изоляторах в результате их закрытости и деятельности осужденных отрицательной направленности

¹ Так, по устному указанию начальника учреждения СИЗО-3 ГУФСИН России по Новосибирской области обвиняемый С. был переведен в другую камеру без оформления соответствующих документов (О недостатках в организации режима и надзора в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы : письмо ФСИН России от 5 апр. 2013 г. исх. № 08-10006. С. 10).

вырабатывается особенная нормативно-ценностная система, противостоящая позитивному праву, регулируемому официально уголовно-исполнительные отношения. При этом данное противостояние не всегда открыто, нередко происходят преступная интеграция права и неформальных норм и фактическая ассимиляция пенитенциарного права. В результате официальное уголовно-исполнительное право интерполируется (подменяется) и на этой основе вырабатывается устное, так называемое теневое интерполированное уголовно-исполнительное право, которое приобретает свойство пенитенциарного правового явления.

Следовательно, сами пенитенциарные учреждения и происходящая в них интерполяция уголовно-исполнительного права выступают как регулятивные, но чаще – охранительные правовые явления.

В целом **пенитенциарное правовое явление** – это внешнее выражение различных объективных и субъективных обстоятельств и факторов, которые влияют на формирование образов позитивного права в сознании и поведении участников пенитенциарных отношений, во взаимодействии с неформальной нормативно-ценностной системой осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. *Богданов Ю. А.* Сущность и явление / Ю. А. Богданов. – Киев : Изд-во АН УССР, 1962. – 232 с.
2. *Вахтомин Н. К.* О роли категорий «сущность» и «явление» в познании / Н. К. Вахтомин. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 222 с.
3. *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.
4. *Никитченко В. С.* Соотношение категорий «сущность» и «явление» в марксистско-ленинской философии / В. С. Никитченко. – Ташкент : Фан, 1966. – 163 с.

References

1. *Bogdanov Yu. A.* Essence and Phenomenon. Kiev, Izdatel'stvo AN USSR, 1962. 232 p.
2. *Vakhtomin, N. K.* On the Role of Categories Essence and Phenomenon in Cognition. M., Izdatelstvo AN SSSR 1963. 222 p.
3. *Kant I.* Critique of Pure Reason. M., My'sl', 1994. 591 p.
4. *Nikitchenko V. S.* The Ratio of Categories Essence and Phenomenon in Marxist-Leninist Philosophy. Tashkent, Fan, 1966. 163 p.

Д. Р. Катеева

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ:
ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов понятия и сущности государственной власти. Автором производится анализ исследовательских подходов к рассматриваемому понятию, его сущности и элементам.

Ключевые слова: власть, государственная власть, характеристика государственной власти.

D. R. Kateeva

**STATE POWER:
DEFINING CHARACTERISTICS, GENERAL CHARACTERISTICS**

Abstract. The article investigates the question of the concept and spirit of the government. The author analyzed research approaches to the subject concept, its essence and elements.

Key words: power, state power, characteristic of state power.

Понятия «власть» и «государственная власть» достаточно часто используются в специальной юридической литературе и текстах нормативных правовых актов. Объединение категории «власть» с категориями, идентифицирующими носителей этой власти (например, органы государственной власти), позволяет персонифицировать понятие власти, свести его к конкретному носителю.

Субъектом власти всегда выступает человек, даже если он действует от имени органа, наделенного каким-либо правом или имеющего реальную возможность оказывать организующее воздействие на субъектов общественных отношений. Однако формализация термина «государственная власть»

влечет за собой определенные сложности содержательного плана, связанные с трактовкой ряда терминов, закрепленных законодательно, например, таких как: объем полномочий носителей власти, возможность разделения власти и обеспечения ее единства. Несмотря на то, что данный вопрос неоднократно становился предметом различных исследований, интерес к проблемам власти вообще и государственной власти, в частности, не ослабевает до настоящего времени¹.

«Организация государственной власти, – по мнению Ю. А. Тихомирова, – является наиболее объемной и традиционной проблемой права»². Еще в начале XX в. российско-польский правовед Л. И. Петражицкий указывал

© Катеева Д. Р., 2015

¹ Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственоведения. М., 1994. С. 13–20.

² Тихомиров Ю. А. Развитие теории конституционного права // Государство и право. 1998. № 7. С. 10.

на невыясненность и спорность природы государственной власти¹. Известный юрист Н. М. Коркунов также отмечал: «Государственная власть как сила, обусловленная сознанием гражданами их зависимости от государства, порождает в общественной жизни своеобразные явления и притом двоякого рода»².

Характеристика государственной власти как силы, способной подчинять, верна в силу того, что организующее воздействие государства не может осуществляться, опираясь лишь на убеждение. При этом власть выражается в первую очередь в деятельности уполномоченных государственных органов, сила которых определяется не тем, в каком направлении власть осуществляется, а тем, какие возможности (полномочия), позволяющие выполнять поставленные перед ним задачи, есть у органа. Однако Л. И. Петражицкий, признавая принуждение как атрибут власти, предлагал рассматривать государственную власть как правоотношение, а о власти говорил как о правах одних во взаимосвязи с обязанностями других: «Под специальными властями следует разуметь соответственные специальные, т. е. ограниченные определенной областью поведения, обязанности одних – права других»³.

Несколько иначе рассматривал государственную власть один из родоначальников теорий социальной стратификации и социальной мобильности П. А. Сорокин: «Если государственная

власть невежественна и руководится в своей политике не благом общества, а узкоэгоистическими соображениями собственной пользы, рост вмешательства таковой власти при прочих равных условиях едва ли будет плюсом, он скорее причинит общественный вред»⁴. В данном случае власть приравнивается исключительно к органам, ее осуществляющим, так как полномочия, понимаемые как власть, не могут быть невежественными или осуществлять «вмешательство». Аналогичный подход к власти присущ и одному из основоположников марксизма Ф. Энгельсу: «Общество создает себе орган для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть. Едва возникнув, он приобретает самостоятельность по отношению к обществу и тем более успевает в этом, чем более он становится органом одного определенного класса и чем более он осуществляет господство этого класса»⁵.

Отождествление аппарата государства с государственной властью часто встречается в понимании природы власти и имеет достаточно авторитетные корни. Не менее часто встречается и функциональный подход к пониманию власти. Он достаточно распространен в современных изданиях⁶. Так, профессор Г. Н. Манов пишет: «Любая власть, в том числе государственная, – это особая функция по руководству, управлению

¹ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Спб., 1907. С. 204.

² *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. Спб., 1894. С. 246.

³ *Петражицкий Л. И.* Указ. соч. С. 192.

⁴ *Сорокин П. А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 90.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1987. Т. 21. С. 311–312.

⁶ *Ржевский В. А., Чепурнова Н. М.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 2008. С. 39.

и координации волевых действий людей. Проявляясь в них, государственная власть не сводится только к этому. Она есть нечто большее... Власть, подчеркнем еще раз, – это сила, которая способна подчинять»¹.

Итак, приведенные выше подходы к определению государственной власти позволяют нам говорить о существовании, по крайней мере, четырех вариантах ее понимания: как волевого отношения; как органа государства;

как функции и как совокупности полномочий. Каждый из этих подходов дает возможность всесторонне рассмотреть содержание такого сложного социального понятия, как государственная власть, выявить ее социальное назначение и роль в упорядочивании общественных отношений. Вместе с тем такое широкое понимание не прибавляет ясности в вопросе о природе государственной власти как правовой категории.

Библиографический список

1. *Ржевский В. А.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности / В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова. – М. : Юрист, 2008. – 216 с.
2. *Сорокин П. А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства / П. А. Сорокин. – Ярославль : Изд-во Яросл. кредит. союза кооператоров, 1919. – 236 с.
3. *Чиркин В. Е.* Элементы сравнительного государственоведения / В. Е. Чиркин. – М. : ИГиП РАН, 1994. – 152 с.

References

1. *Rzhevskij V. A., Chepurnova N. M.* Judicial Authority in the Russian Federation: the Constitutional Foundations of the Organization and Activity. M., Yurist', 2008. 216 p.
2. *Sorokin P. A.* Elementary Textbook of the General Theory of Law in Connection with the Theory of the State. Yaroslavl', Izdatel'stvo Yaroslavskogo Kreditnogo Soyuzo Kooperatorov, 1919. 236 p.
3. *Chirkin V. E.* Elements of the Comparative State of Reference. M., IGI P RAN, 1994. 152 p.

¹ *Манов Г. Н.* Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства. М., 1993. С. 42.

**АППАРАТ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Аннотация. В статье автор рассматривает аппарат судов апелляционной инстанции в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. и в Российской Федерации с целью выработки практических рекомендаций по совершенствованию действующего гражданско-процессуального законодательства.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, аппарат суда апелляционной инстанции, помощник судьи, Судебные уставы 20 ноября 1864 г., Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

E. R. Krajnova

**ON THE ISSUE OF THE DEVICE OF THE COURT OF APPEAL:
PAST AND PRESENT**

Abstract. The author considers the device of appellate courts in the Russian Empire of the second half XIX – beginning of XX century and the Russian Federation, in order to develop practical recommendations for improvement of the current civil procedural law.

Key words: appeal court, the device of appellate courts, deputy judge, Judicial Charters 1864, the Civil Procedural Code of the Russian Federation, chrono-discrete monogeography comparative law.

Судебная система Российской Федерации, являющаяся основным институтом защиты прав и свобод граждан, подвергается постоянному процессуально-правовому и организационному совершенствованию. Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ установлен единый для всех судов общей юрисдикции апелляционный порядок проверки не вступивших в законную силу судебных актов. Вместе с тем нельзя сказать, что институт апелляции в судах общей юрисдикции

является новеллой современного законодательства. В результате проведенной в 1864 г. судебной реформы были созданы судебные палаты, которые вплоть до 1917 г. осуществляли проверку законности не вступивших в силу судебных актов окружных судов в апелляционном порядке.

Исторический опыт, на наш взгляд, может быть в значительной степени интересен для современного законодателя и правоприменителя. Представляется возможным использовать методологию хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, разработанную для

сравнения государственных и правовых институтов, в существовании которых в силу тех или иных причин имеется временной разрыв. Одним из принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения является выработка практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства на основе сравнения исторического опыта и современности¹.

Для нормального функционирования институт апелляционных судов нуждается в квалифицированном вспомогательном аппарате. Несмотря на то, что и судебная реформа 1864 г., и действующее процессуальное законодательство неоднократно становились объектами правового исследования ученых², фундаментальные труды, полностью или частично посвященные аппарату суда апелляционной инстанции, отсутствуют.

Слово «аппарат» происходит от латинского «apparatus», что означает «совокупность работников какой-либо организации, учреждения»³. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в ст. 32 определяет, что аппарат суда осуществляет обеспечение работы суда и подчиняется председателю соответствующего суда (ч. 1), а работники аппарата

суда являются государственными служащими, им присваиваются классные чины и другие специальные звания (ч. 2)⁴. Согласно ч. 1 ст. 38 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» организационное обеспечение деятельности федерального суда общей юрисдикции по осуществлению правосудия осуществляет аппарат этого суда⁵. Обобщая вышеизложенное, можно определить аппарат суда апелляционной инстанции как совокупность государственных гражданских служащих, осуществляющих организацию и обеспечивающих деятельность в судах апелляционной инстанции и подчиняющихся председателю соответствующего суда.

Учреждением судебных установлений 1864 г. в ст. 11 было определено, что «при судебных местах находятся: канцелярии, судебные приставы, присяжные поверенные, кандидаты на должности по судебному ведомству и нотариусы»⁶. Канцелярии судебных палат состояли из определенного штатами числа секретарей и их помощников. Деятельность канцелярии судебных мест должна была ограничиваться исключительно письмоводством, т.е. ведением входящих и исходящих реестров, составлением по

¹ Демичев А. А. О перспективах развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Демичева. М., 2013. Вып. 5. С. 9.

² Борисова Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008 ; Ульянов А. В. Особенности процедуры пересмотра вступивших в законную силу решений суда в период проведения судебной реформы 1864 г. // Пробелы в рос. законодательстве. 2008. № 2. С. 300–302 ; Харитонов А. С. К. П. Победоносцев: консервативная критика «Судебных уставов» 1864 г. // Там же. 2012. № 4. С. 160–163.

³ Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Основы российского права : учеб. для вузов. М., 1997. С. 62.

⁴ Рос. газ. 1997. 6 янв.

⁵ Там же. 2011. 11 февр.

⁶ URL: <http://www.hrono.ru/docum/1800dok/1864sud.php> (дата обращения: 20.05.2015).

распоряжению присутствия протоколов, изготовлением копий с постановленных судом решений для выдачи участвующим в деле лицам и т. п. Избрание и утверждение в должности секретарей и помощников секретарей предоставлялось председателям судебных мест. Для переписки бумаг в канцеляриях судебных мест состояли канцелярские чиновники, на содержание коих в размере, определяемом по усмотрению их начальства, а равно на наем писцов и на канцелярские расходы, отпускалась по штатам определенная сумма¹.

Судебная система нашего времени независима и автономна от судебных приставов, нотариусов и каких-либо других государственных и негосударственных органов и организаций. Суды Российской Федерации состоят из судей, отправляющих правосудие, и аппарата судов, осуществляющих координацию этой деятельности и ее техническое сопровождение. Аппарат суда в свою очередь состоит из соответствующих структурных подразделений (отделов), помощника председателя суда и помощников судей, а также должностей, не относящихся к федеральной государственной гражданской службе.

Ясно, что в современных судах апелляционной инстанции работа аппарата значительно сложнее, чем в до-революционной апелляции. Однако говорить о том, что все вопросы, касающиеся работы аппарата суда, надлежаще урегулированы законодательством, нельзя.

В настоящее время в судах действует приказ Судебного департамента

при Верховном Суде Российской Федерации от 21 декабря 2012 г. № 238 «Об утверждении Положения об аппарате федерального суда общей юрисдикции»². Согласно данному приказу аппарат суда осуществляет организационное обеспечение деятельности федерального суда общей юрисдикции, которое включает в себя мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного, аналитического, статистического, документационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого правосудия. Так, в структуру аппарата верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа могут входить: отдел делопроизводства, отдел обеспечения судопроизводства по гражданским делам, отдел обеспечения судопроизводства по уголовным делам, отдел по обеспечению деятельности президиума суда, отдел судебной статистики и правовой информатизации, кодификации и систематизации законодательства, обобщения судебной практики, отдел государственной службы и кадров, отдел материально-технического обеспечения, эксплуатации и ремонта зданий, финансово-бухгалтерский отдел.

Должности «помощник председателя суда», «помощник судьи» федерального суда общей юрисдикции в состав отделов не включаются, поскольку должности категории «помощники» учреждаются для содействия лицам, замещающим государственные должности, в реализации их полномочий и замещаются на определенный срок.

¹ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Спб., 1867. Ч. 3. Ст. 30, 93.

² Бюл. актов по судеб. системе. 2013. № 6.

Для занятия должности помощника судьи необходимы высшее юридическое образование, стаж государственной гражданской службы не менее двух лет или не менее четырех лет стажа работы по юридической специальности¹. Фактически именно помощник судьи осуществляет организацию судебного процесса, а именно: изготавливает проекты судебных актов; направляет лицам, участвующим в деле, извещения о месте и времени судебного заседания; размещает сведения о движении дела в сети «Интернет»; составляет статистические отчеты о работе судьи, запросы, справки, факсограммы и многое другое. Очевидно, что помощники судей занимают особое место в аппарате суда как федеральные государственные служащие, осуществляющие не техническую работу, а непосредственно участвующие при отправлении правосудия.

Однако в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует соответствующая норма права, закрепляющая правовой статус и полномочия помощников судей.

Опрос судей и работников аппарата Владимирского областного суда показал, что 87 % респондентов поддерживают закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации статуса помощника судьи и фактически осуществляемых им полномочий по выполнению под-

готовительных и части распорядительных действий, правовые последствия которых не препятствуют дальнейшему движению дела. По мнению судей, существующий ныне пробел в процессуальном законодательстве приводит к нерациональному использованию труда данных работников, являющихся не просто техническими сотрудниками, а профессиональными юристами. Кроме того, более рациональное использование знаний и умений помощников судей позволило бы значительно уменьшить нагрузку на судей, улучшить кадровый запас судебного корпуса.

Вопрос о роли помощника судьи и необходимости правового закрепления его процессуального статуса является актуальным среди ученых.

Так, Н. А. Клевцов, обосновывая необходимость совершенствования гражданского процесса, ссылается на необходимость процессуального закрепления статуса помощника судьи, предоставив ему возможность рассматривать ряд несложных гражданских дел².

М. Л. Скуратовский указывает на то, что привлечение помощников судей к подготовке дела, без совершения ими юрисдикционных действий, является распространенной мировой практикой, например, при проведении собеседования, решении организационных вопросов процесса³.

¹ Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда : приказ Судеб. департамента при Верхов. Суде Рос. Федерации от 6 дек. 2010 г. № 272 // Бюл. актов по судеб. системе. 2014. № 4.

² Клевцов Н. А. К вопросу о модернизации гражданского правосудия // Арбитраж. и гражд. процесс. 2011. № 9.

³ Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 14.

Перспективным, на наш взгляд, было бы использование оправдавшего себя зарубежного опыта. В частности, в США, Англии, Германии помощник судьи обладает достаточно большим кругом процессуальных полномочий.

При рассмотрении дел в Суде Евразийского экономического сообщества обязательным субъектом подготовки является помощник судьи-докладчика, который подготавливает материалы судебной практики, предложения о необходимости проведения консультаций специалистов, назначения экспертизы, проведения выездного судебного заседания, осуществляет иные процессуальные действия¹.

В Англии помощники судей наделены полномочиями по совершению подготовительных действий², что свидетельствует об их достаточно высокой роли, поскольку в странах англосаксонской правовой системы имеет место тенденция к досудебному разрешению споров, для которых стадия подготовки является заключительной.

Помощник судьи в США (клерк) обладает полномочиями на проведение юридического исследования, подготавливает справки по делу, составляет распоряжения и мнения по отдельным вопросам, редактирует распоряжения, собирает документы, обеспечивает вызов сторон в зал суда³. Клерки занимаются составлением памяток для судей по делу в целях экономии времени рассмотрения спора⁴.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что законодательное закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации статуса и полномочий помощников судей в судах апелляционной инстанции в перспективе, несомненно, будет способствовать совершенствованию работы российских судов и эффективной реализации судьями своих полномочий при отправлении правосудия. Кроме того, данная мера положительно скажется на материальном обеспечении данной категории федеральных государственных гражданских служащих, сделает эту работу престижной.

Библиографический список

1. Демичев А. А. О перспективах развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» / А. А. Демичев // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Демичева. – М. : Ваш полиграф. партнер, 2013. – Вып. 5. – С. 7–17.
2. Кашанина Т. В. Основы российского права : учеб. для вузов / Т. В. Кашанина, А. В. Кашанин. – М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 624 с.
3. Клевцов Н. А. К вопросу о модернизации гражданского правосудия / Н. А. Клевцов // Арбитраж. и гражд. процесс. – 2011. – № 9. – С. 7–9.

¹ О Регламенте Суда Евразийского экономического сообщества : решение Суда Евраз. экон. сооб. от 12 июля 2012 г. № 21 // Рос. газ. 2012. 10 окт.

² Решетникова И. В. Концепция подготовки дела к судебному разбирательству // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. ст. Краснодар ; СПб., 2004. С. 299–302.

³ Прокудина Л. А. Зарубежный опыт использования помощника судьи // Рос. судья. 2009. № 6.

⁴ Там же.

References

1. Demichev A. A. On the Prospects of the Development of Scientific Direction «Hronodiskretnoe Monogeograficheskoe Comparative Law». *Hronodiskretnoe Mono-Geograficheskoe Comparative Law*. Ed. by A. A. Demichev. M., Vash Poligraficheskij Partnyor, 2013. Iss. 5. P. 7–17.
2. Kashanina T. V., Kashanin A. V. Fundamentals of Russian Law. M., INFRA-M – NORMA, 1997. 624 p.
3. Klevczov N. A. On the Issue of the Modernization of Civil Justice. *Arbitrazhny'j i Grazhdanskij Process*. 2011. No. 9. P. 7–9.

**ОБЫЧАИ, НОРМЫ ПРАВА И ЯВЛЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД**

Аннотация. В статье преступность рассматривается как антисоциальное поведение, анализируются исторические предпосылки возникновения явления преступности, проблемы правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: история государства и права, правовое регулирование, проблемы теории права, нравственность и общественный порядок.

А. М. Markov

**CUSTOMS, RULES OF LAW AND CRIME:
HISTORICAL AND LEGAL OPINION**

Abstract. The article deals with the phenomenon of crime anti-social behavior, historical background of its origin, problems of legal regulation of social relations.

Key words: history of state and law, legal regulation, problems of the theory of law, morality and public order.

Преступность – это сложное социальное явление, которое не зависит от уровня экономического развития общества и формы государственного управления. Это явление глубинное и универсальное, это продукт взаимодействия конкретного человека с обществом, результат конфликта между эгоистическими интересами и необходимостью следовать установленным правилам поведения. Возникновение преступности неразрывно связано с социальной эволюцией человечества.

Преступность представляет собой исторически изменчивое явление. С социальными, экономическими и политическими изменениями в жизни социума меняются и преступность, способы и средства совершения преступлений, объекты преступного посягательства.

В научной литературе понятие преступности определяется как исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных на определенной территории в тот или иной отрезок времени¹.

Возникновение преступности обусловлено разделением в общественном сознании таких моральных категорий, как «хорошее» и «плохое», «добро» и «зло» применительно к поведению каждого члена общества. На заре цивилизации одобрение или порицание действий соплеменника происходило через призму их «полезности» или «вредности» для нужд общины, рода.

Как отмечает профессор В. А. Тишков, известный социальный антрополог, многие правовые теории тесно связаны

© Марков А. М., 2015

¹ Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. М., 2004. С. 90.

с теориями конфликта и распространенным взглядом на человека как на источник зла и на общество как на организованную защиту против человеческой природы, когда праву отводится позитивная роль в урегулировании конфликта¹.

Следует отметить, что конфликтность, агрессия, жестокость являлись необходимыми атрибутами развития первобытного общества, когда вождями, военачальниками в ходе межличностных противостояний становились наиболее сильные, волевые, говоря современным языком, харизматичные представители племени. Такие люди, обладая авторитетом в общине, обеспечивали ее сохранение в сложных природных условиях, защиту от физического уничтожения врагами, разрешение спорных ситуаций между соплеменниками наряду с существовавшими советами старейшин.

Исходя из целей совершения, одни и те же действия были как необходимостью, так и вредом. Например, убийство, телесное насилие, изъятие имущества, обращение в рабство представителей чужих племен в условиях борьбы за выживание воспринимались как полезные действия, а подобные деяния по отношению к представителю своего племени расценивались негативно и осуждались, поскольку жизнеспособность общины зависела от усилий каждого члена рода.

Безусловно, говорить о возникновении преступности можно лишь в связи с формированием в обществе правил поведения. Усложнившиеся социальные взаимоотношения в обществе приводили к необходимости их регулирования. Первоначально такие правила получили реализацию в

форме табу – запретов на совершение определенных действий, обрядов, традиций, ритуалов, а также обычая, под которым понимается общепринятый, традиционный, неписанный порядок взаимного поведения, исторически сложившийся и вошедший в привычку в результате многократного повторения². Обычаи охватывали практически все стороны жизни первобытного общества: общественный труд, быт членов рода, семейные отношения и т. д. Впоследствии обычаи стали основным источником права.

Жизнь общества на ранних стадиях его развития строилась на началах естественного самоуправления, правила поведения основывались на объективных ежедневных потребностях и имели целью выживание и продолжение рода, а обычаи в первобытном обществе выполняли функцию организации общественной жизни, являясь при этом и нормами морали, и нормами религии, т. е. моонормами.

Поскольку условием выживания отдельного члена рода служила жизнеспособность самой общины, то заинтересованность каждого из соплеменников в ее развитии выражала интересы всего рода. Следовательно, зарождающиеся правила поведения в общине упорядочивали уже сложившийся ранее методом проб и ошибок наиболее приемлемый и целесообразный образ жизни.

Как отмечает профессор В. Н. Хропанюк, признаки первобытных обычаев проявлялись в том, что они исходили от рода и выражали его волю и интересы; исполнялись добровольно, специальных органов, обеспечивающих их исполнение, не было, при необходимости

¹ Тишков В. А. Антропология права – начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 7–15.

² Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учебник. М., 1997. С. 35.

к нарушителям обычаев применялось убеждение, а иногда и принуждение, которое исходило от всего рода или племени¹.

Сложившиеся в первобытном обществе правила поведения отражали объективные законы человеческого развития и обуславливались инстинктом самосохранения. Представляется, что отдельные факты нарушения запретов имели под собой, как правило, бытовую почву, и не могли свидетельствовать о возникновении преступности как антисоциального поведения. Так, право кровной мести, т. е. разрешение ближайшим родственникам убитого на умерщвление убийцы или его укрывателя, впоследствии было запрещено у многих народов.

Началом явления, когда «лихое дело» становится ремеслом, можно считать период экономических улучшений в жизни общества, связанных с разделением труда, совершенствованием орудий производства и ростом производительности труда, когда появляется избыточный продукт, способный обеспечить не только потребности семьи, рода, но и произвести обмен, когда начинают развиваться товарные отношения. Тогда же, по словам Ф. Энгельса, возникает понятие частной собственности, которая способствовала, с одной стороны, развитию общества, а с другой – явилась причиной разложения родоплеменного строя. «Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена, – и она была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным

уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена – подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели»².

Получение прибавочного продукта производства приводит к изменению принципа равномерности в распределении созданных членами общины материальных благ, что влечет имущественное неравенство и расслоение общества, в котором улучшить свое благосостояние становится возможно путем использования чужого труда. Как закономерность возникает социальная прослойка, которая не является аристократией, но при этом не желает «в поте лица добывать хлеб насущный». Право войны, т. е. совершение набегов на соседние племена с целью захвата земель, военнопленных, скота и другого имущества, ранее реализуемое совместными усилиями мужской части племени, постепенно превращается в регулярный промысел по изъятию имущества сородичей. Необходимость своим трудом улучшать благосостояние общины утрачивает свое главенствующее значение, уступая место возможности легко обогатиться лично за счет других. Таким образом, выделение из общественной собственности частной приводит к возможности присвоить эту чужую собственность.

¹ Хропанюк В. Н. Указ. соч.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1961. Т. 21. С. 28–178.

Другим фактором возникновения преступности является образование государства с формированием публичных, но отделенных непосредственно от общества институтов управления, таких как законодательные органы, полиция и суд.

Разделение в общественном сознании государства и общества влечет за собой деление преступлений на государственные, имеющие особую общественную опасность, и частные. К первым причислялись деяния, посягающие на общественное спокойствие, такие как государственная измена или сообщничество с неприятелем, а также насильственное сопротивление властям. К этой же категории относились: злостный убийца, мужеложец, оскорбитель девичьей или женской чести, поджигатель, лжесвидетель, похититель хлеба с полей. К ним применялось наказание как к государственным изменникам, как правило, смертная казнь. Частными преступлениями считались кража или повреждение имущества, легкие телесные повреждения. Мерой удовлетворения требований потерпевшего от таких деяний был, как правило, штраф. Если же виновный не имел возможности его уплатить, то суд присуждал «вора в личную собственность» потерпевшего, а в случае причинения увечья последний мог потребовать «око за око, зуб за зуб»¹.

Вместе с образованием и развитием государства происходит трансформация мононорм в обычное право как юридическую категорию, в котором уже проявляются элементы права: формализация, абстрактность, а также, что важно для формирования

правопослушного поведения, возможность наступления заранее определенных негативных последствий для нарушившего требования правового обычая. Немаловажную роль в развитии права начинает играть правотворческая деятельность самого государства, когда меняющаяся жизнь общества диктовала необходимость законодательного оформления правил поведения для отношений, которые не были урегулированы обычаем. Право получает первостепенное значение среди прочих механизмов регулирования общественных отношений.

Возведя законы в ранг общеобязательных правил поведения и установив ответственность за неисполнение предписываемых требований, общество попыталось силой государства обеспечить их исполнение, когда религия, табу и нормы морали уже не достигали необходимой эффективности в управлении жизнью общества.

Появление права было вызвано объективными причинами в эволюции человека как социального существа, желанием упорядочить усложнившиеся в обществе взаимоотношения. Как отмечал основатель реалистической теории права Р. Иеринг, право возникает и развивается под воздействием внешних факторов. Этими факторами являются интересы,двигающие человеком и заставляющие его ставить цели, которые осуществляются при посредстве права². Нельзя не согласиться и с мнением профессора А. В. Аверина о том, что социальное предназначение права – быть единственным официально-властным, т. е. государственным, регулятором общественных отношений³.

¹ Моммзен Т. История Рима : в 4 т. Ростов н/Д, 1997. Т. 1. С. 157–159.

² Иеринг Р. Борьба за право. Спб., 1904. С. 9.

³ Аверин А. В. Судебная достоверность. Постановка проблемы. Владимир, 2004. С. 15.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правила поведения, ранее составлявшие обычай и возникшие как необходимость для выживания в условиях жизни первобытного общества, приобретают в праве, выраженном в законодательных формах, обязательные к исполнению требования социального общежития ко всем лицам, проживающим на территории государства. Эти нормы охватывают более широкие сферы развивающегося общества, устанавливают права и обязанности, предусматривая в том числе и меры наказания за их неисполнение.

Итальянский гуманист и реформатор права Ч. Беккариа суть происхождения законов видел в том, что люди пожертвовали часть своей личной свободы, т. е. приняли на себя ограничения в поведении, чтобы пользоваться совокупностью всех частей свободы сообща, спокойно и безопасно. Необходимость защиты законов состояла в ограждении их от посягательств частных лиц, «ибо каждый стремился не только возратить собственную долю (свободы), но и присвоить себе долю другого»¹.

Эта идея перекликается с «договорной теорией возникновения государства», сформулированной британским философом Дж. Локком, согласно которой люди во взаимных интересах договариваются об ограничении своих прав таким образом, чтобы право на свободу и собственность было обеспечено всем. При этом государство как исполнитель воли граждан наделяется правом: издавать законы, определяющие размер наказаний за различные преступления, т. е. обладает законодательной властью;

наказывать за преступления, совершаемые членами союза, т. е. выполняет функцию исполнительной власти².

Собственно, природу преступности можно определить с субъективной точки зрения как нежелание налагать на себя ограничения, которые продиктованы правилами общежития.

По мнению Дж. Локка, при разработке законов и решении спорных вопросов люди должны опираться на некие нравственные постулаты, которые присущи каждому человеку: желание быть свободным, потребность иметь собственность, запрет убивать, грабить, притеснять других. Исходя из этого «естественного состояния», в человеке должны быть изначально заложены нравственные принципы и ограничения для действий, способных причинить вред обществу.

В связи с этим, говоря о причинах возникновения преступности, необходимо отметить не только указанные выше внешние, но и сказать о внутренних побудительных причинах противоправного поведения. В их основе лежат психологические особенности личности, такие как склонность к агрессии, экспансии, корысти, наживе и обману. В период становления вновь образующихся государств наличие у правителей этих качеств служило залогом их могущества и процветания. Вся история человеческой цивилизации свидетельствует о том, что, наряду с прогрессивным развитием представлений о праве как регуляторе общественных отношений, широко и повсеместно государственными структурами применялись способы и методы для поддержания власти и обогащения, которые иначе как преступлениями назвать

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 67–68.

² Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 3.

нельзя. Например, в Римской империи с ее в высшей степени для античного мира развитой системой правового регулирования основой благосостояния являлись захватнические войны, использование рабского труда, налоговый гнет плебса. Принимая во внимание то обстоятельство, что современная юриспруденция базируется на созданной римлянами системе права, принципах построения законодательных норм, правовых категориях, многие из которых используются сегодня в гражданском и смежных с ним праве, нельзя не сказать, что большинство государственных лиц, принимавших эти законы, были далеки от того, чтобы называться моральными людьми в нашем понимании, поскольку убийства политических соперников и следующий за этим раздел их имущества были нормой поведения. Таково было общество того периода истории человечества. Одна из лучших мировых правовых систем была создана на основе понятия жесткого рационализма для защиты прежде всего государственных интересов и имущественных прав граждан Рима, тогда как принципы гуманизма и справедливости не играли значимой роли в правовом поле. До наших дней дошло латинское выражение: *dura lex sed lex* – закон суров, но это закон.

Действительно, функция правового регулятора состоит прежде всего в упорядочении жизни, приведении поведения людей к определенному знаменателю, установлению общих для всех «правил игры». Идея построения коммунизма основывалась на принципе сознательного отношения каждого члена общества к труду – по сильному созданию общественных материальных благ, а также потреблении созданных благ по достаточной необходимости. Однако идеологи не

учли несовершенство человека как продукта социума: не каждый хотел работать в полную силу, а имущественные потребности оказались у всех разные и, как правило, превышали произведенное человеком благо. Нормы права служат созданию баланса в производстве и распределении (экономическом) общественных благ, поскольку, как видим, полагаться в этом только на нравственные качества людей нельзя.

В криминологии явление отклонения личности от установленного порядка поведения называют девиантным (отклоняющимся) поведением. Преступность как вид девиантного поведения всегда выражает его крайнюю, разрушительную форму взаимоотношений людей.

Противоправное поведение, как отмечалось выше, характеризуется с субъективной стороны нежеланием исполнять общепринятые правила поведения. Мотивы этого могут быть разнообразными: нигилистические – отрицание вообще необходимости подчиняться каким-либо правилам; политические – несогласие с существом, идеей, формами и методами государственного регулирования общественных отношений; экономические – отсутствие имущественной выгоды при условии правопослушного поведения, либо ситуация, когда в сложившихся экономических условиях более выгодной является противоправная деятельность; уголовные, основанные на отличных от общепринятых норм морали и нравственности, понятиях «добра» и «зла», или сознательно противопоставляющих себя обществу принципам, эгоцентризме.

Вместе с тем в истории нередки случаи, когда нормы морали и нормы права вступают в противоречие между

собой. Как верно указал доктор юридических наук А. В. Аверин, право и мораль – разноплановые социальные явления, хотя и выполняющие одну функцию – функцию социального регулятора, функцию формирования эталонов и стандартов поведения человека в обществе, однако существующие, развивающиеся и изменяющиеся по своим внутренним законам¹.

Правопослушное поведение предполагает высокий уровень правового сознания, т. е. исполнение предписаний норм права не из боязни быть наказанным, а из осознания полезности для общества установленного поведения или воздержания от определенных действий. Данный критерий позволяет говорить о наличии у индивидуума развитых моральных устоев: ответственности за свои поступки, справедливости, толерантности, уважения интересов других, что, в свою очередь, требует соответствия норм права нравственным понятиям, принятым в обществе, поскольку несправедливость правовых норм приводит если не к открытому сопротивлению, то к скрытому, пассивному неисполнению. По убеждению Ч. Беккариа, любой закон, идущий вразрез с «вечными чувствами, присущими человеческой природе», неизбежно столкнется с противодействием, которое в конце концов окажется сильнее, подобно тому, как меньшая, но постоянно действующая сила в теле одолевает мощный, но сообщенный ему извне единичный импульс².

Несомненно, что правила, даже основанные на понятиях общей полезности, необходимости, объективности в данное время, могут не приниматься другими членами общества. Так было всегда и, наверное, будет, потому что при многообразии социальных, экономических, политических, физиологических, нравственных отношений между людьми не могут действовать такие универсальные нормы, которые при выражении интереса одних, не ущемляли бы желаний других, поскольку любое правило есть ограничение. Со времени закрепления государством правил поведения в законодательные формы возникло и противодействие этим правилам. На всем протяжении истории цивилизации социальные регуляторы, представляющие собой нормы права и выражающие интересы либо большинства общества, либо какой-то его части, охранялись от неисполнения или убеждением в их соблюдении, или угрозой наступления негативных последствий. Прошло несколько тысяч лет с того времени, когда человечество впервые осознало необходимость упорядочения жизни общества обязательными для всех правилами поведения, а учитывая многообразие современной социальной жизни и несовершенство человека как субъекта общественных отношений, такие правила поведения всегда будут необходимым условием развития человеческого общества.

Библиографический список

1. *Аверин А. В.* Судебная достоверность. Постановка проблемы / А. В. Аверин. – Владимир : Транзит-Икс, 2004. – 312 с.

¹ *Аверин А. В.* Указ. соч. С. 39.

² *Беккариа Ч.* Указ. соч. С. 70.

2. *Тишков В. А.* Антропология права – начало и эволюция дисциплины / В. А. Тишков // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – М. : Стратегия, 2000. – С. 7–15.

3. *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права : учебник / В. Н. Хропанюк. – М. : Интерстиль, 1997. – 384 с.

References

1. *Averin A. V.* Judicial Reliability. Statement of a Problem. Vladimir, Tranzit-Iks, 2004. 312 p.

2. *Tishkov V. A.* Antropologiya of the Right – the Beginning and Evolution of Discipline. *Legal Anthropology. Law and Life.* M., Strategiya, 2000. P. 7–15.

3. *Khropanyuk V. N.* Theory of the State and Right. M., Interstil', 1997. 384 p.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРАВОВЫХ РЕКОМЕНДАЦИЙ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ
ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ**

Аннотация. Автором производится анализ исследовательских подходов к познавательной деятельности, на основании которого определяются роль и место правовых рекомендаций в деятельности органов, осуществляющих исполнение наказаний.

Ключевые слова: правовые рекомендации, правовое регулирование, исполнение наказаний.

A. S. Mel'nikov

**SOME ASPECTS OF THE STUDY OF LEGAL ADVICE,
REGULATING PENAL**

Abstract. The author analyzed research approaches to cognitive activity, which is based on further consideration of the role and place of legal advice in the work of carrying out the execution of sentences.

Key words: legal advice, legal regulation, execution of punishments.

В теории познания принято различать два вида (уровня) познавательной деятельности человека: обыденное (донаучное) и научное познание¹. При этом обыденное, или, иначе говоря, донаучное, знание принято основывать на убежденности «здравого смысла» и «практического сознания». Теория научного знания характеризует этот вид познавательной деятельности человека с помощью таких критериев, как внутренняя непротиворечивость, объективность, критикуемость, общезначимость, инвариантность знания и т. д.² При таком познании правовой действительности субъек-

екты познавательной деятельности могут непосредственно познавать группы фактов, которые, возникнув до и вне процесса познания конкретного объекта, продолжают существовать и во время этого процесса.

Мнения различных авторов при установлении алгоритма действий и сущности научного познания весьма неоднозначны. Одни ученые полагают, что познание – это мыслительный и логический процесс, а действия по собиранию и проверке сведений – лишь предпосылка познания³, другие – это именно практическая деятельность по собиранию и исследованию

© Мельников А. С., 2015

¹ Ванеева Л. А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток, 1972. С. 37.

² Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993. С. 3.

³ Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., 1958. С. 19–20 ; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 134.

фактов¹, третьи – это единство практической деятельности субъектов по собиранию и проверке фактов и мыслительной деятельности². Исходя из этого, мы можем предположить, что совокупность действий субъектов познавательной деятельности, составляющих содержание познания, характеризует его как комплексный вид деятельности, направленный на установление необходимых фактов и уяснение их сущности. При этом большое практическое значение имеет вопрос о методах, которые используются при осуществлении познания конкретных объектов, эффективности их выбора и профессиональности применения.

Однако для более четкого понимания методологии познания конституционно-правового статуса как правовой категории обратимся к анализу отдельных подходов к пониманию категории «метод». В наиболее широком смысле метод можно определить как способ подхода к познанию объективной реальности. В классической марксистско-ленинской философии метод – это способ познания, исследования явлений, способ решения задачи, «путь... действительного познания»³. Болгарский философ Т. Павлов определял метод как имманентную закономерность движения научного мышления, взятую в качестве сознательно используемой нами для более верного, более быстрого и более полного достижения истины⁴. В философской науке существуют различные типологии научных методов, но более других распространены те, которые подразделяют методы

научного познания таким образом: 1) специальные, общенаучные и универсальные; 2) всеобщие, общенаучные, частнонаучные и специальные; 3) философские и специальные⁵. Вышесказанное позволяет заключить, что более обоснован второй из приведенных подходов к типологии научных методов, поскольку именно он дает возможность исследовать конституционно-правовой статус с позиций социальных наук в целом, юриспруденции, в частности, и конституционного права непосредственно.

Соответственно, приступать к анализу методов, используемых в процессе познания элементов правовой действительности, целесообразно именно с общефилософского метода. Следующими за философским методом познания выступают общенаучные методы, к которым принято относиться: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, метод движения от общего к частному и от частного к общему, методы формализации и идеализации и др. Третьим уровнем методологии являются частные (действующие в каждой отдельной отрасли науки) методы. Частные методы познания представляют собой систему определенных приемов, правил, рекомендаций по изучению конкретных объектов познания. Четвертый уровень методологии составляют так называемые методы, под которыми понимаются приемы и способы познания, применяемые в одной или нескольких близких сферах и далеко не на всех этапах познавательной деятельности. При этом

¹ *Курылев С. В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 26–37.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2001. § 1.6.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 29. С. 80.

⁴ *Павлов Т.* Теория отражения. София, 1949. С. 432.

⁵ *Цанн-кай-си В. Ф.* Философия как теоретическое мировоззрение. Владимир, 2001. С. 290.

в процессе познания могут быть применены специальные методы двух видов: характерные только для исследуемой сферы человеческой деятельности и применимые не только в познании, но и в иных сферах.

Однако разграничивая методы познания на частные и специальные, необходимо учитывать, что между ними нельзя провести жесткую грань, их нельзя абсолютизировать и превращать в единственно возможный, универсальный способ познавательной деятельности. Ни один метод, обособленный от методологии как единой и целостной системы, не может привести к должному результату ни в научном исследовании, ни в практической деятельности. И использоваться они должны только в совокупности, в пределах и случаях, необходимых для достижения желаемого результата.

Применительно к познанию процесса реализации правовых рекомендаций в сфере исполнения наказаний вышеизложенное означает, что исходной, принципиальной основой для изучения правовых явлений в целом и правовых рекомендаций, в частности, служат выводы, сделанные с позиций базовых философских методов. Обращаясь непосредственно к анализу теории и практики реализации правовых рекомендаций в сфере исполнения наказаний, отметим, что в настоящее время все более возрастающая роль правовых рекомендаций как формы выражения властных управленческих решений связана с тем, что применение традиционных средств правового воздействия на общественные отно-

шения нередко становится малоэффективным ввиду сложности и значительной загруженности правовой системы законами и подзаконными нормативными правовыми актами. Нам представляется, что влияние гражданского общества на правовые рекомендации выражается в функционировании разнообразных неправительственных организаций, обладающих совещательным или наблюдательным статусом, участвующих в работе общественных и попечительских советов учреждений и органов, исполняющих наказания. При этом деятельность некоторых из них предусматривает непосредственное представительство со стороны гражданского общества. Наряду с этим правовые рекомендации способствуют быстрому и эффективному применению норм действующего законодательства.

В процессе реализации норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации практическими работниками нередко отмечаются отдельные недостатки и противоречия данных норм. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что с момента действия Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в него было внесено множество предложений по изменению и дополнению некоторых статей, направленных на устранение недостатков и противоречий. Однако обращаясь к практике реализации положений действующего законодательства в сфере исполнения наказаний, мы видим, что существенное влияние оказывают ведомственные нормативные или рекомендательные акты.

Библиографический список

1. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 168 с.
2. Селиверстов В. И. Реформа УИС и задачи Минюста / В. И. Селиверстов // Преступление и наказание. – 1998. – № 6. – С. 50–62.
3. Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шубина Татьяна Борисовна. – Самара, 1997. – 228 с.

References

1. Il'in V. V. Theory of Knowledge. Introduction. Common Challenges. M., Izdatel'stvo MGU, 1993. 168 p.
2. Seliverstov V. I. Reform of UIS and Task of Ministry of Justice. *Prestuplenie i Nakazanie*. 1998. No. 6. P. 50–62.
3. Shubina T. B. Theoretical Problems of Protection of the Right. Samara, 1997. 228 p.

ИНВЕКТИВНОСТЬ В ПРОЕКЦИИ НА ПРОБЛЕМЫ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В статье анализируется понятие инвективности в его связи с проблемами юрислингвистики и юрислингвистической экспертизы, особенно в той части, которая касается защиты чести, достоинства и деловой репутации человека. Статья представляет интерес и для юристов-теоретиков, и для юристов-практиков, и для обучающихся по специальности «Юриспруденция», так как помогает ориентироваться в основных направлениях деятельности на стыке языка и права.

Ключевые слова: лингвистика, юрислингвистика, юрислингвистическая экспертиза, лексика, оскорбление, инвективность, защита, честь, достоинство, деловая репутация.

I. L. Petrova

INVECTIVE IN THE PROJECTION OF THE PROBLEMS YURISLINGVISTIKI

Abstract. Legal linguistics has now become evolve. This stimulates development of society. Each individual began to feel the importance and the ability to protect their honor, dignity and business reputation. Juridical practice revealed linguistic and legal space for this kind. The problem is not only a legal settlement of the scarcity of these types of cases, but also the lack of uniform systems and rules for all parties, including linguistics experts.

Key words: linguistic, legal linguistic, juridical linguistic examination, vocabulary, insult, invective, defence, honor, dignity, business reputation.

В российской и зарубежной лингвистике одним из наиболее важных и интенсивно разрабатываемых аспектов является исследование прагматической составляющей языка, т. е. отношений между носителями языка и языковым знаком, который применяется людьми как метод коммуникативного воздействия. В первую очередь подобное отношение эксплицируется через лексику. Непосредственным выражением языковой прагматики можно назвать инвективную лексику. Наличие такой лексики в предложении с негативной адресной

оценкой дает лингвистам возможность с большой степенью вероятности квалифицировать такую фразу как реализацию речевого акта оскорбления. Итак, инвектива – это оскорбительная речь.

Инвективная лексика – слова и выражения, которые могут употребляться как форма оскорбления или унижения адресата речи или третьего лица; потенциально оскорбительные. Корпус этой лексики составляют нецензурные, жаргонные, диалектные, просторечные слова, а также слова собственно литературного языка (о группах слов данной

лексики будет сказано ниже), употребление которых в процессе коммуникации нарушает нормы общественной морали, т. е. эта лексика потенциально оскорбительная, непристойная, в чем и заключается одна из главных проблем юрислингвистики.

Само понятие «непристойность» достаточно сложно для толкования. Его смысл оказывается разным в различные эпохи и времена: в одну эпоху термином «непристойное» обозначают то, что в другую считается пристойным. Сложность заключается и в том, что на семантику этого понятия накладывает отпечаток определенная этнокультурная специфика, менталитет конкретного народа, пол и возраст коммуникантов.

В Российской Федерации термин «непристойность» рассматривают через слово «непристойный», которое имеет значение «крайне неприличный, бесстыдный, предосудительный»¹. Следовательно, обозначенное понятие предполагает использование таких слов, которые большинством людей будут считаться неприличными, которые не подлежат публикации в СМИ, хотя в некоторых особенных ситуациях и могут быть применены.

Исследования лингвистов, социологов и психологов, дополняя друг друга, определили примерный список потенциально оскорбительной (инвективной, ругательной) лексики. Для того чтобы высказывание было квалифицировано как оскорбительное, оно должно обладать следующими лингвистическими характеристиками: нецензурность, непристойность слов и выражений, сравнение с одиозными

историческими и литературными персонажами, лексика и фразеология, которые оскорбляют общественную мораль, нарушают нормы общественных приличий. Такую лексику в момент произнесения или опубликования большинство членов определенного социума воспринимает как недопустимую.

Одним из главных признаков оскорбительности того или иного слова или выражения является неприличная форма выражения отрицательной оценки лица, которая подрывает его престиж в глазах окружающих, деловую репутацию, унижает честь и достоинство, наносит ущерб уважению к самому себе.

Представляет интерес толкование понятия «оскорбительность», которое предлагает профессор В. И. Жельвис. Он говорит о разграничении двух американских понятий: «offendedness» и «offensiveness». Слово «offensiveness» имеет значение степени оскорбительности самого слова, которое считается нецензурным и вызывает у людей отвращение и негативную реакцию. В этом понимании понятие «оскорбительность» – это оценка инвективности самого слова, т. е. это оскорбительный смысл, который был присущ данному слову с самого начала. К таким словам относится мат, который вне зависимости от направленности его применения уже является оскорбительным для всех воспитанных людей. Понятие «offendedness» подразумевает под собой реакцию на нецензурную брань лица, в чей адрес она направлена, т. е. это ощущение унижения и обиды². Ввиду вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М., 2000.

² Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194–206.

практике при проведении юрислингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации возникает множество проблем, первоначально связанных с толкованием определенных понятий, а потом и с определением степени оскорбительности и непристойности того или иного выражения для адресата. Сложность заключается в том, что само слово можно признать оскорблением, но это еще не значит, что лицо, в чей адрес оно направлено, примет его за оскорбление.

Словом «инвектива» объединяют все виды словесной агрессии. Рассмотрим, в чем заключается сущность данного явления.

Во-первых, язык как средство общения имеет коммуникативную, гносеологическую, а также экспрессивную функции, которые и воплощаются с помощью такой языковой категории, как инвективность. Таким образом, данное явление реализует естественную инвективную функцию языка.

Не вызывает сомнений, что данная функция свойственна языку. Так, профессор Н. Д. Голев утверждает, что «инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (жизненной необходимостью) творческого использования слова»¹. Для человека естественно использовать данную функцию наряду с коммуникативной, познавательной и иными функциями языка. Этот факт нашел отражение в лингвистике речи.

Например, К. Ф. Седов, занимающийся изучением типологии языковых личностей, в зависимости от того, какую речевую стратегию выбирает человек в коммуникативном конфликте, выделяет три типа языковых личностей: куртуазный, рационально-эвристический и инвективный, который характеризуется демонстрацией низменного речевого поведения, являющегося отражением его эмоционально-биологических реакций².

Во-вторых, инвективная лексика реализует определенные намерения автора, например, такие, как вербальные нападки, атака речевым актом, но которые иногда и не проявляются в виде ненормативной лексики, сквернословия и ругательств, однако все же распространяют в сторону адресата языковое насилие над личностью, т. е. речевую агрессию.

В-третьих, для применения инвективной лексики существуют определенные языковые тактики: ответ вопросом на вопрос, прямое и завуалированное оскорбление, массовое применение обценной лексики, нагнетание обоснованных и необоснованных обвинений, негативная реклама разного рода, угрозы и политические ярлыки³.

Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой определяет понятие «инвектива» как резкое выступление против кого-либо, чего-либо; обвинение, обличение, оскорбительная речь⁴.

Профессор В. И. Жельвис дает определение инвективы как способа

¹ Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 44.

² Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Кулиной. Екатеринбург, 2000. С. 301.

³ Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул, 2004. С. 126–137.

⁴ Ефремова Т. Ф. Указ. соч.

словесной агрессии, который резко воспринимается обществом в качестве вида запрета. Таким образом, под инвективой он понимает определенное вербальное табу, которое используется запрещенными средствами¹.

Наряду с термином «инвектива» существуют и другие названия, такие как непристойная, нецензурная, ненормативная лексика. В Российской Федерации в настоящее время цензура отменена, однако до сих пор понятие «нецензурная» имеет свое исходное значение – лексика, которая находится под запретом в СМИ и общественных местах.

Сегодня все острее ставится вопрос о проблеме широкого использования инвективной лексики. Эта проблема обострилась ввиду демократизации и либерализации общества. Вследствие данных процессов, подобная лексика стала проникать в печать и на телевидение. Сейчас многие телеканалы представляют фильмы, сериалы и телепередачи, в которых половина речевых действий относятся к типу инвективной лексики.

В связи с определенными изменениями в российском обществе, распространением СПИДа и венерических заболеваний некоторые «пошлые» и «непристойные» слова также вошли в обыденную речь граждан, в СМИ. К таким словам относятся: «импотенция», «секс», «соитие», «презерватив» и др. Буквально несколько лет назад данные темы жестко пресекались, а сейчас такие слова повсеместно внедряются в речь человека любого возраста.

В настоящее время очень сложно юридически регламентировать обценную лексику. Многие носители русского языка считают, что ругательные

выражения являются особенностью и отличительной чертой русского народа. Данное мнение подкрепляется и тем, что в СМИ достаточно часто представители власти, элита нашего общества, а также творческие люди не церемонятся в выражениях и позволяют себе бранную речь.

Однако необходимо заметить, что употребление инвективной лексики в художественных произведениях не может поддаваться юридической регламентации, потому как в контексте и смысле различных литературных творений это оправданно. Суд не имеет компетенции определять степень оправданности тех или иных выражений в произведениях культуры. Кроме того, сложно представить юридическую регламентацию повседневной обценной лексики в обыденной жизни общества, поскольку она (регламентация) вряд ли осуществима на практике. Однако данная проблема существует, и ее трудно решить, не затрагивая закрепленную в Конституции Российской Федерации «свободу частной жизни» (ст. 23).

Центральное положение в инвективной лексике занимает часть бранной лексики, относящаяся к мату, табуированным словам и словосочетаниям.

В обценной лексике имеется и известная часть бранных слов и выражений, относящихся к литературному языку. Они имеют отношение к разговорной речи, к различным ее пластам. Большой частью это слова и словосочетания, которые принадлежат к таким отдаленным пластам разговорной речи, которые граничат с просторечием и жаргонами. Слова и словосочетания такого рода в основном составляют так называемую пошлую просторечную

¹ Жельвис В. И. Указ. соч. С. 34.

лексику – это «низший» разряд разговорной лексики русского литературного языка. Например: старый хрен, подлый, гад, стерва, подлюга, сволочь, скотина, сукин сын, девка (о распутной женщине). Эти и подобные им слова в современных толковых словарях квалифицируются как «бранные», «грубые» или «презрительные». Есть и слова, которые относятся к разговорно-быденной лексике: мерзавец или мерзавка, поганый, грабеж, сброд, свинья, хам, хамье, ханжа.

Нужно признать, что бранная лексика, в том числе и обценная, очень подвижна в своем составе. Только контекст или анализ конкретной ситуации речи может помочь в трактовке экспрессивной окраски, точнее – выражения эмоционально-оценочного содержания, экспрессивно окрашенных и оценочных слов этого выражения или целого высказывания, потому что такие слова как речевые единицы могут иметь в своей семантике лишь обобщенное отрицательное значение.

Трудность юридической регламентации инвективности языковых выражений – одна из актуальных и сложных проблем, возникающих на стыке языка и права. Обозначенная сложность тесно связана как с правом на защиту чести, достоинства и деловой репутации личности, так и с тем, что инвективная функция речи – это одна из ее естественных функций, которая также тесно связана с возможностью, а порой и острой жизненной необходимостью творческого, креативного использования языка.

Описанная ситуация представляется основной трудностью для юридической регламентации инвективного функционирования языка. Наиболь-

шую важность данная проблема приобретает при квалификации фактов речевого оскорбления.

В настоящее время лингвистов периодически приглашают в суды для экспертной оценки некоторых текстов на предмет наличия в них инвективности. Однако способен ли вообще лингвист, не выходя за рамки «чистой» лингвистики, давать однозначные оценки в существующем вопросе, объединяющем в себе как лингвистическую и юридическую стороны, так и этическую и психологическую? В связи с этим возникает большое количество вопросов, ждущих своего обсуждения и разрешения.

Сегодня решение проблем словесного оскорбления обычно связано с некоторыми сложностями, вытекающими из их юрислингвистической неразработанности. Даже в самых простых случаях, когда требуется дать квалифицированную оценку инвективности отдельного слова, эксперт не имеет иной возможности для объективного и законного объяснения своего мнения, кроме как толкования с опорой на лингвистические источники, такие, например, как толковый словарь. Однако лингвистический словарь не может выполнять юридическую функцию, по закону он не может являться основанием для принятия следственных и судебных решений, так как автор словаря в данном случае несколько волен внести в свой труд любые, даже самые примитивные и приблизительные пометы. Он не может претендовать на роль правового документа.

Для придания экспертизе юридической силы в данном случае должна быть применена разработанная специальная шкала лексической инвективно-

сти: «нейтральное – обидное – оскорбительное». Приведем пример: «греховодник» – нейтральное слово, «паскудник» имеет малую степень инвективности, а слова «паскуда» или «сволочь» уже относятся к высокой степени инвективности. Группы слов по этой шкале должны быть в достаточной степени жестко фиксированы, хотя вполне понятной будет являться условность такого рода жесткости. В речи подобные группы специально не выделены, и в языковой практике границы между ними с достаточной легкостью «нивелируются», несмотря на то, что принцип юридических канонов как раз и заключается в противостоянии любой размытости и неоднозначности.

Что касается инвектив, то для разработки их списка, который в дальнейшем следовало бы узаконить, должны высказать свое мнение лингвисты. При этом необходимо проводить соответствующие психолингвистические эксперименты и социолингвистические исследования. Участие лингвистов вызвано потребностью использовать список, который мотивирован именно языком и не противоречит повседневному обыденному языковому сознанию. Эксперты ГЛЭДИС¹ составили подобный список, включив в него следующие лексические группы:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, приобретающие инвективную экспрессию при употреблении в переносном значении: *взяточник, жулик, проститутка*.

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, также обозначающие социально осуждаемую деятельность

или позицию (психологическую установку, отношение к кому-либо): *расист, двурушник, предатель*.

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость или упрямство (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*).

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, ханнуть*.

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т. п., без указания на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.

7. Эвфемизмы для слов первой группы, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.

8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*.

К данному списку примыкают, разумеется, и нецензурные слова².

Использование в тексте, высказывании перечисленных категорий слов само по себе далеко не всегда является оскорблением. Проблемы инвективной лексики сопряжены с гибкостью языкового знака, многогранностью его смысловой валентности. Это, возможно, одна из самых трудных и принципиальных как для теории, так и для практики сложностей юрислингвистики. Каждое инвективное слово может употребляться

¹ Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам.

² Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ : сб. материалов. М., 2010. С. 116.

неинвективно, нейтральное же слово в некоторых контекстах может быть воспринято оскорбительным. Например, слово «кошка», которое является нейтральным в русском языке, но применимое с намеком, воспроизводящим устоявшийся образ кошек как блудливых созданий, может больно задеть женщину, в адрес которой направлено высказывание. Лингвист, естественно, не может пренебрегать правом автора речевого произведения на творческую интерпретацию языка, а также на употребление слова в переносном значении и изменение его стилистического регистра.

Степень инвективности – одна из самых сложных лингвистических проблем. Лексический ее анализ – наиболее поверхностный. Текстовое (и тем более рече-ситуативное) развертывание инвективной рамки представляет собой более сложную задачу ввиду того, что тут сочетается большое количество факторов, которые могут иметь отношение к скрытым сферам речи. Самым сложным в определении инвективности текста представляется объективная оценка намерений его автора, с одной стороны, и, с другой – оценка интерпретации этого же текста субъектом, почувствовавшим себя оскорбленным. Мы знаем, какую существенную роль в квалификации поступков может играть оценка их мотивов. Автор изощренного оскорбления на практике всегда имеет возможность уйти от ответственности, если сделает ссылку на то, что он вовсе не имел в виду оскорбление, что он совсем не то имел в виду или что его неправильно поняли¹.

При этом и оскорбленная личность часто может иметь возможность выбирать: интерпретировать выражение в оскорбительном или в неоскорбительном для себя смысле, и оправданность его реакций – сверхсложный и неисследованный предмет науки.

В юридической практике при проведении юрислингвистических экспертиз было замечено, что иногда оскорбительные выражения могут быть использованы в противоположном смысле. Они могут выражать восторг и дружеское отношение к адресату. Например, фраза: «Ох, как хорошо танцует, чертовка!». На первый взгляд, такое выражение легко отличить от унижения, потому что для него будет характерна определенная дружелюбная интонация и соответствующая мимика, на основании которых адресат не будет принимать данные слова как оскорбительные². Однако что делать, если лицо, в отношении которого были сказаны эти слова, кроме самого выражения, больше ни на что не обратил внимания?

Еще одной проблемой инвективной лексики в настоящее время является распространение оскорбительных прозвищ, кличек и бранных слов, оскорбляющих и дискриминирующих чужую нацию. Такие слова, как «чурка», «армяшка», «айзер», «черный» и другие прочно вошли в разговорную речь русских граждан. Данная группа оскорблений в условиях современности должна привлекать большее внимание юристов, потому что разжигает межнациональную рознь в условиях нарастания и углубления межнациональных конфликтов.

¹ *Голев Н. Д.* Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношения с языковым сознанием // *Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах.* Новосибирск, 1998. Вып. 2.

² *Горбаневский М. В.* Выбор слова, суды и экспертиза // *Профессия – журналист.* 2001. № 9.

В подобных условиях юрислингвистика обязана опираться на разработанные фреймы инвективности, которые должны стать содержательной базой юрислингвистических рекомендаций для судебных органов. Здесь маловероятно всерьез рассчитывать на реальное решение проблемы, потому как решением может стать лишь создание алгоритмов экспертных и судебных действий в этой сфере¹.

Итак, основная причина проблем на стыке языка и права, которые приобрели актуальность в последнее время, – безусловная, т. е. вызванная социальными потребностями, необходимость «юридизации» всевозможных взаимоотношений между людьми, связанных с

языком и отношением человека к языку. Некоторые предпосылки юридизации подобных отношений спонтанно появляются в самом языке, в основном в процессе создания объективных норм его функционирования. Процесс преобразования естественных норм в юридические предписания не способен стихийно полностью осуществиться, а также регламентация его не должна быть волюнтаристической, так как язык во всякой форме своего существования априори является ограниченным законами и нормами живого естественного языка. Последнее, однако, нельзя осуществить без квалифицированного учета языковой стихии и регламентирующих действий лингвистов.

Библиографический список

1. Бельчиков Ю. А. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ : сб. материалов / Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. – М. : Информкнига, 2010. – 208 с.
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев. – Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2009. – 252 с.
3. Гридина Т. А. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания / Т. А. Гридина, В. С. Третьякова // Юрислингвистика-3. Проблемы юрислингвистической экспертизы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АГУ, 2002. – С. 55–65.
4. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В. И. Жельвис // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 194–206.
5. Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности / К. Ф. Седов // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Кулиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 299–302.
6. Яковлева Е. А. Принципы судебной экспертизы в юрислингвистике / Е. А. Яковлева, М. В. Аблин // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2014. – № 6(36), ч. 1. – С. 208–213.

References

1. Bel'chikov Yu. A., Gorbanevskij M. V., Zharov I. V. Methodological Recommendations for the Linguistic Examination of Controversial Media Texts. M., Informkniга, 2010. 208 p.
2. Brinev K. I. Theoretical Linguistics and Forensic Linguistic Examination. Barnaul, Izdatel'stvo AltGPA, 2009. 252 p.

¹ Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. С. 11–58.

3. Gridina T. A., Tret'yakova V. S. The Principles of Linguistic and Cognitive Analysis of Conflict Statements. *Yurilingvistika-3. Problemy' Yurilingvisticheskoy E'kspertizy'*. Ed. by N. D. Golev. Barnaul, AGU, 2002. P. 55–65.

4. Zhel'vis V. I. Word and Deed: the Legal Aspect of the Language. *Yurilingvistika-2. Russkij Yazy'k v Ego Estestvennom i Yuridicheskom By'tii*. Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo Universiteta, 2000. P. 194–206.

5. Sedov K. F. Verbal Behaviour and the Types of Language Personality. *Kul'turno-Rechevaya Situaciya v Sovremennoj Rossii*. Ed. by N. A. Kulina. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 2000. P. 299–302.

6. Yakovleva E. A., Ablin M. V. Principles of Forensic Examination in Jurilinguistic. *Filologicheskie Nauki. Voprosy' Teorii i Praktiki*. 2014. No. 6(36), pt. 1. P. 208–213.

О. Д. Третьякова, В. И. Журавлёв

**ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу общих свойств методологии, применяемой при изучении различных объектов и предметов исследований. На этой основе раскрыты закономерности функционирования методологии юридических исследований, а также установлена специфика методологии изучения и осуществления благотворительной деятельности в современной России.

Ключевые слова: благотворительность, методология, метод, принципы, цели, исследование.

O. D. Tret'yakova, V. I. Zhuravlyov

**FEATURES OF THE RESEARCH METHODOLOGY AND CHARITY
IN MODERN RUSSIA**

Abstract. The article is devoted to the study of the General properties of the methodology used to explore different objects and subjects of research. On this basis, the revealed regularities of the functioning of the methodology of legal research, as well as specific features of the methodology of the study and implementation of charitable activities in modern Russia.

Key words: charity, methodology, method, principles, objectives, research.

Методология исследования благотворительности – достаточно сложное и многогранное явление, которое можно трактовать неоднозначно. Методология исследования благотворительности, как и методологии многих других юридических исследований, производна от общей теории методологии. Это мы и будем учитывать в настоящей статье.

Прежде всего обратимся к понятию самой методологии. Данное явление,

безусловно, неоднократно подвергалось научному анализу в работах, посвященных данной проблеме и близких к юриспруденции, таких ученых, как: И. П. Андреев, Д. А. Керимов, Р. Лукич, Н. Стефанов, Н. Н. Тарасов и некоторых других¹. Однако однозначного ответа на вопрос о том, что же такое методология, не дано. Не случайно среди исследователей методологии бытует мнение о том, что среди странностей методологии есть и такая: никто не уполномочен выступать от ее имени,

© Третьякова О. Д., Журавлёв В. И., 2015

¹ Андреев И. П. Проблемы логики и методологии познания. М., 1972 ; Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001 ; Лукич Р. Методология права. М., 1981 ; Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967 ; Тарасов Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

ибо каждый понимает ее по-своему¹. Следовательно, и мы вправе предпринять попытку сформулировать общее определение методологии, ее правовую специфику и на этой основе рассмотреть методологию исследования благотворительности.

Прежде всего, обратимся к семантике слова «методология». Так, в толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой методология рассматривается как учение о методах научного познания и как совокупность методов, применяемых в какой-либо науке².

В Философском энциклопедическом словаре под методологией понимают систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе³.

В википедии методология трактуется как алгоритм поиска цели, набор приемов, методов, средств, способов, принципов достижения цели: 1) теоретической цели – модели идеального знания (в заданных описании условиях, например, скорость света в вакууме); 2) практической цели – программа (алгоритм) приемов и способов того, как достичь желаемой практической цели и не погрешить против истины или того, что мы считаем истинным знанием⁴.

Обобщая словарное значение понятия методологии, можно заключить,

что оно означает учение о методе, а также сами методы познания мыслимой или реально существующей действительности. То есть словарное толкование методологии является достаточно узким, так как фактически сводится к сумме методов в различной конфигурации (в зависимости от предмета и объекта исследования). Неоднозначность словарного значения обуславливает плюрализм авторских подходов к понятию «методология».

Так, в философской литературе понятие методологии разрастается вплоть до объема самостоятельной науки⁵. При этом методология понимается как система существенных аспектов мировоззрения и теории (или ряд теорий), определяющих исследовательские принципы науки в целом⁶.

Некоторые авторы выделяют формы методологии и в виде методологических концепций, теорий, и в виде отдельных методов, принципов, непосредственно входящих в саму структуру конкретно-научных теорий. Следовательно, методологическое знание одновременно находится и вне частнонаучного знания, и внутри его⁷.

В юридических исследованиях понятие методологии так же, как и у философов, рассматривается шире, нежели в справочной литературе. В этом смысле методология расширяется до практической юридической деятельности, на которую направлено

¹ Рац М. В. Методология: младшая сестра науки или ее мать? // Независимая газ. Наука. 2004. 11 февр.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

⁴ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Методология> (дата обращения: 14.04.2015).

⁵ Ракитов А. И. К вопросу о структуре исторического исследования // Филос. проблемы ист. науки. М., 1969. С. 162.

⁶ Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971. С. 8.

⁷ Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // Вопр. философии. 1980. № 6. С. 87.

соответствующее правовое исследование¹. В связи с этим с точки зрения юриспруденции «методология – явление интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные общетеоретические концепции, всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы»².

Анализ словарных статей, а также различных точек зрения ученых позволяет сделать некоторые выводы.

1. Методология – это комплексное явление, характеризующее систему методов, их качеств и связей в контексте предмета исследования, в связи с чем в качестве синонимов термины «методология» и «метод» можно рассматривать лишь в контексте соотношения целого и его части.

2. Методология – это сложное многофункциональное явление, включающее в себя несколько уровней: 1) учение методологии и сами методы; 2) мировоззрение; 3) принципы, понятия и категории и т. д. Полагаем, что перечень уровней методологии можно считать открытым в зависимости от субъекта и объекта исследования и современного состояния средств научного познания.

3. Методология – это необходимый инструмент любой науки, одновременно составляющий ее часть. При этом методология может выходить за рамки одной науки и даже группы наук, она имеет комплексный общенаучный характер.

4. Элементы методологии в стазисе относительно обособлены и могут рассматриваться как теоретические конструкции методологии. В динамике при практическом взаимодействии субъекта

и объекта исследования элементы-конструкты превращаются в реальные средства исследования, которые, переходя из стазиса в динамическую фазу, подвергаются конвергенции с их последующей интеграцией. Центральное место в данной системе занимают сами методы, используемые субъектом исследования, а также основополагающие идеи, а учение о методе, методах и иных элементах методологии (методология в стазисе) является конвергирующим средством динамической фазы методологии.

5. Арсенал методологии коррелирует с формой, уровнем и этапом научного познания. Теоретической форме познания присущи методы идеи, дефиниции, направленные на формирование абстрактной модели анализируемого объекта исследования, и на основе этой модели формируются направления практической реализации теории. Практическая форма исследования характеризуется методами и другими средствами методологии, позволяющими установить общие и особенные черты познавательной деятельности.

6. В зависимости от целей исследования методологию можно подразделить на три уровня: общенаучный, транснаучный и мононаучный (специальный) уровень. Каждому уровню присуща относительно обособленная система средств и методов познания. Вместе с тем все обозначенные уровни функционируют в системе и позволяют вывести общее и особенное в исследуемой мыслимой или реально существующей действительности. Например, рассматривая часть абстракции, сложно познать ее целостное значение и замысел художника.

¹ Лукич Р. Указ. соч. С. 24.

² Керимов Д. А. Указ. соч. С. 46.

7. Методология – это процесс получения истинного знания об объекте и предмете исследования. Данный процесс проявляется в четырех стадиях: стадии методологической инициации, стадии воздействия основного методологического комплекса, стадии прекращения воздействия на предмет и объект исследования и, наконец, стадии анализа и корректировки примененного методологического инструментария.

На этапе методологической инициации субъектом исследования избирается методологический инструментарий и осуществляются первичные пробные воздействия на предмет и объект исследования. На второй стадии на основе первичных проб применяется методологический инструментарий в системном виде с использованием всех форм, методов и уровней методологии. На третьей стадии завершается методологическая атака на предмет и объект исследования и подводятся первичные итоги такого воздействия. На завершающей стадии анализируется применение методологического арсенала и осуществляется корректировка примененной методологии для дальнейшего изучения предмета и метода исследования (если это требуется). Кроме того, на этом этапе синтезируются знание об исследованных объектах и предметах, выводы исследования, и для этого используются фактически все части методологии, главное место среди которых занимают само учение и мировоззрение исследователя.

8. Методологию целесообразно рассматривать в качестве фундамента познавательной деятельности исследователя. Она является базисом, или основой, научного познания, и от

того, насколько устойчив и сбалансирован данный фундамент, настолько обоснованно и достоверно будет исследование. Фундаментальность методологии позволяет субъекту всесторонне и качественно раскрыть необходимые свойства предмета и объекта исследования.

9. Качество методологии определяется качеством самих исследователей: чем выше уровень интеллекта и подготовки субъекта познавательной научной деятельности, тем глубже и качественнее методологический арсенал, который он использует в процессе научного познания.

Исходя из приведенных выше суждений, определим понятие методологии: *методология* – это сложное системное объединение различных элементов, образующих инструментарий, с помощью которого субъект познания постигает предмет и объект познания.

В юридических исследованиях методология чаще всего рассматривается в теоретическом и практическом аспектах. В теории права методология представляет собой относительно самостоятельный компонент юридической науки, который органически связан с понятийно-категориальным аппаратом и конструкцией самой теории права, но не совпадает с ней непосредственно. Исследовательские методы теории права обеспечивают конституирующую и конструирующую функцию, реализующую функционирование теории права и в целом всей юридической науки. Сама по себе методология не может дать информации об объектах исследования, тем не менее теоретический уровень методологии в юриспруденции ориентирует субъекта юридического познания государственно-правовой действительности

на соответствующее практическое методологическое обеспечение юридической исследовательской деятельности. Первичный результат исследования также может выступать в качестве элемента методологии дальнейших юридических исследований и юридической деятельности в целом (например, преюдиция).

Следовательно, юридическая методология представляет собой определенную модель общественных отношений, переводимых субъектом юридического исследования из статического состояния теоретической части юридической методологии в динамическое состояние, позволяющее достичь определенных целей исследования. При этом модель методологии проявляется вовне как определенное множество методологических элементов, взаимодействующих в процессе познания. Иными словами, методология – это определенная сложная и динамическая система.

Одним из факторов проявления статических и динамических связей процессов между используемыми методами юридического исследования является прежде всего интеллектуальная деятельность субъектов юридических исследований, которая оживляет методологию и формирует связи между методологическими средствами.

Поступательность процесса юридического исследования обуславливает интеграцию отдельных этапов юридического исследования. Процесс юридического познания представляет собой иерархическую систему стадий реализации данной деятельности и проявляется в том, что каждая последующая стадия использует знания, установленные на предыдущих стадиях познания.

Исходя из поступательности и иерархичности стадий юридического

исследования, можно разработать определенную методологическую модель научного юридического познания. Эпистемологически данные стадии, а также остальные средства юридической методологии в виде методов, принципов, учений и т. п. можно сгруппировать следующим образом: 1) предтеча юридического познания – наличие готового к познанию субъекта и методологического инструментария; 2) установление единичного юридического факта и круга правовых норм, на основании которых он функционирует; 3) определение юридического состава; 4) синтетическое обобщение юридических фактов, правоотношения в целом, а также других предпосылок правоотношений и его содержания; 5) определение необходимых условий формирования юридического факта, с которым нормы права связывают установление, изменение и прекращение правовых отношений; б) установление закономерностей и их проявлений в деятельности государства и права и связанных с ним форм сознания и отношений.

Как видим, данная стадияльная модель юридической методологии носит системный характер и коррелирует с системным характером самой государственно-правовой реальности. Взаимопроникновение этих двух систем образует своеобразную суперсистему с высоким индексом сложности. Однако при этом, как считают некоторые исследователи, отдельные элементы данной мега-системы разнородны. Методология – это идеально-реальная система, а государство и право действуют в рамках социальных систем, представляющих разновидность материальных систем. Все это связывается через системы абстрактные, т. е. системы идеального порядка, являющиеся продуктом человеческого

мышления¹. Вместе с тем, несмотря на разнородность, эти системы интегрируются за счет своей открытости, следовательно, если подразумевать наиболее общие свойства методологии юриспруденции, то изучение государственно-организованных общественных систем возможно на основе диалектического и синергетического.

Тем не менее, как верно заметил известный отечественный правовед Д. А. Керимов, ни один из общенаучных принципов и подходов не имеет методологического значения вне предмета той науки, в которой он применяется или должен применяться, поскольку необходима еще его «переплавка», т. е. приспособление, конкретизация, уточнение в соответствии с объективной логикой развития того самого объекта, который познается специальной научной дисциплиной².

Соглашаясь с высказанным суждением, считаем, что методология юриспруденции, базируясь на традиционной общенаучной методологии, должна ориентироваться на поиск новых методологических средств исследования государственно-правовой действительности. Более того, юридическая методология, в общем являясь закономерной, не свободна от стохастических, ситуативных явлений. Ситуативность здесь проявляется, не только в решениях субъектов юридического научного познания, но и применяемых ими при выработке эти решений знаний, методов и средств.

Следовательно, *юридическая методология* – это частично отраженное в правовых нормах комплексное средство правовой науки, обусловленное свойствами государства и права,

а также уровнем компетенции субъектов.

Юридическая методология является и частью правовой науки, т. е. сама методология выступает объектом научного познания и на нее в свою очередь воздействует своя методология.

С учетом изложенных выше суждений и умозаключений можно констатировать, что юридическая методология есть явление сложное и динамическое, в рамках которого проявляются два основных типа методологии: методология правовых исследований и методология воздействия права на общественные отношения, в том числе и связанные с государством.

Методология правовых исследований – это детище методологии науки вообще, отличие заключается лишь в специфическом предмете и объектах исследования, а также в некоторых частных методиках, связанных с особенностями субъекта исследования.

Методология воздействия права на общественные отношения более специфична. В силу этого применительно к предмету исследования требуется некоторое уточнение. «Правовое воздействие» – наиболее широкая категория, охватывающая собой и правовое регулирование, и регламентацию человеческих взаимосвязей с помощью иных регулятивных средств. Специфика методологии воздействия права на общественные отношения выражается не в структуре методологии, а в арсенале различных методологических средств:

1. К методологии воздействия права относятся основные правовые понятия и

¹ Павлова Ю. В. Правовая энтропия. Владимир, 2005. С. 6.

² Керимов Д. А. Указ. соч. С. 37.

категории¹, а также основополагающие идеи, руководящие начала правового воздействия, т. е. принципы права, имеющие как объективный, так и субъективный характер².

2. К методологии воздействия права относятся правовые и иные социальные нормы, опосредующие мерную регламентацию общественных отношений.

3. В качестве специфического средства методологии правового воздействия можно назвать ненормативное регулирование, в том числе индивидуально-ситуативное регулирование.

4. Присутствует специфика и в учении о правовом воздействии. Это проявляется в том, что оно направлено, с одной стороны, на исследование правового воздействия, а с другой стороны, на изучение регулятивно-правового воздействия на общественные отношения.

5. Обладают некоторыми особенностями и используемые при правовом воздействии и его изучении типы методов. Для теоретической части методологии (учение, понятие, принципы) свойствен весь арсенал методов, применяемых в исследованиях, при этом изучение нормативного регулирования преимущественно опосредуется по диалектическому типу, а индивидуального и ненормативного в целом – по синергетическому типу.

6. Практическое направление методологии правового воздействия, опираясь на теорию методологии, трансформируясь в сознании исследователей, а также в правосознании законодателя, выражается в установле-

нии дозволений, запретов, позитивных обязываний, поощрений, рекомендаций, побуждений, понуждений, новаций и интерпретаций.

7. Теоретическое и практическое направления методологии правового воздействия в результате могут образовывать определенную правовую конструкцию, с помощью которой осуществляется типовое воздействие на общественные отношения (например, конструкция состава правонарушений, конструкция «договор», конструкция юридического факта и т. д.).

В целом юридическая методология – это явление в виде учений, принципов, фактов, отношений и методов, характеризующееся изучением самой юриспруденции, и на этой основе – исследование отношений, урегулированных правом, предназначенное для организации теоретической и практической юридической деятельности.

Благотворительная деятельность в Российской Федерации согласно действующему законодательству – это добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки³. Закрепленность в законодательстве обуславливает тот факт, что благотворительность – это юридическая деятельность, и ее исследование (как самой благотворительности, так и ее правового регулирования) лежит в плоскости применения юридической методологии.

¹ Сырых В. М. Метод общей теории права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 24.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1998. С. 51–52.

³ О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : федер. закон от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ // Рос. газ. 1995. 17 авг.

Исследование благотворительности (как юридической деятельности) целесообразно осуществлять с использованием обоих типов юридической методологии – методологии проведения юридических исследований и методологии воздействия на общественные отношения, в нашем случае – на отношения благотворительности.

Прежде всего рассмотрим методологию исследования благотворительной деятельности и норм, ее регулирующих.

В методологии исследования благотворительной деятельности сделаем акцент на методы, через которые характеризуются и принципы, и учение о методах исследования. Все они носят относительно общий характер, в связи с чем нецелесообразно заострять внимание на данных элементах методологии.

Обычно все методы в юридических исследованиях подразделяют на несколько больших групп. Чаще всего выделяются исследователями: *всеобщие методы* (диалектика и метафизика); *общенаучные теоретические методы* (системный подход, функциональный подход, анализ, синтез и т. д.); *общенаучные практические методы* (наблюдение, измерение, эксперимент и т. д.), а также *частнонаучные методы* (конкретно социологический, нормативно-догматический, юридико-технический и т. д.).

Все перечисленные методы в той или иной мере используются при исследовании благотворительной деятельности, но имеется и своя специфика.

Так, традиционные методы диалектики и метафизики при исследовании благотворительности использу-

ются с учетом синергетики, фактически в ее рамках. Синергетика (от греч. *synergeia* сотрудничество, содействие, соучастие) – это междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучаются общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно (процессов самоорганизации и самопроизвольной дезорганизации) в открытых нелинейных системах физической, химической, биологической, экологической, социальной и другой природы¹.

С позиций диалектики благотворительность представляет собой явление, с одной стороны, тесно связанное с другими социальными явлениями (дарение, спонсорство и т. д.), с другой стороны, постоянно развивающееся (в текст Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (далее: ФЗ № 135) с 1995 г. по настоящее время было внесено более 30 изменений и дополнений).

С точки зрения метафизики разрабатывается понятийно-категориальный аппарат исследования благотворительной деятельности. Учитывая стабильность (относительную неизменность) некоторых свойств благотворительной деятельности, определяется ее понятие, а также понятия смежных явлений.

Со стороны синергетики учитываются и диалектические, и метафизические факторы функционирования благотворительной деятельности. Кроме того, исследование благотворительности основывается не только на закономерных связях и процессах, но и на случайных (хаотических) факторах развития благотворительной деятель-

¹ Философия : энцикл. Слов. / под ред. А. А. Ивина. М., 2004.

ности. При исследовании формирования и деятельности благотворительных организаций используются синергетические концепции самоорганизации в механизме функционирования благотворительной деятельности.

При исследовании благотворительности могут широко применяться общенаучные теоретические и практические методы исследования, такие как: наблюдение за добровольческой деятельностью, сбор сведений о деятельности благотворительных организаций и др. В процессе исследования могут измеряться масштабы бескорыстной материальной и физической помощи, анализироваться информация о благотворительной деятельности и на этой основе синтезироваться выводы и обобщения.

Для установления сущностных свойств и особенностей благотворительности как вида юридической деятельности целесообразно использовать специальные (частнонаучные) методы, такие как анализ юридической техники правовых актов, регламентирующих отношения благотворительности и с нею связанные процессы. Установлена адекватность и толерантность существующих и перспективных отношений благотворительности. При изучении юридических свойств бескорыстной помощи другим лицам представляется возможным выработать научные предложения по совершенствованию юридической техники законодательства, регулирующего благотворительность.

Среди частнонаучных методов имеет смысл применять конкретно-социологический и статистические методы исследования благотворительной деятельности. Опросы участников

благотворительной деятельности и других субъектов правоотношений позволяет на практике верифицировать умозрительные построения юридической теории благотворительной деятельности.

В целом сочетание традиционных методов исследования со специальными юридическими методами даст возможность сформировать целостную и иерархическую методологию исследования благотворительной деятельности.

Методология же самой благотворительности базируется на том, что благотворительность присуща человеку и человечеству в связи с его существованием в обществе и взаимодействием с другими субъектами правоотношений. Оказание помощи другому человеку есть залог выживания человеческого вида. Не случайно исследователи первобытного общества обнаруживают в нем отношения, связанные с дарением. Как свидетельствуют данные этнографии, суть дарения заключается в создании новых или поддержании уже существующих социальных связей между индивидами либо группами индивидов. Такая связь устанавливается, как правило, не по взаимному предварительному соглашению сторон, а по инициативе одной из них, которая предлагает другой стороне дар¹.

Современное отечественное законодательство конкретизирует учение о дарении в виде благотворительности, пожертвования и собственно дарения. Так, в ст. 39 Конституции Российской Федерации зафиксирована норма-правило поведения: «благотворительность поощряется».

¹ Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. М., 1999. Вып. 2 : История первобытного общества.

В ст. 582 Гражданского кодекса Российской Федерации дарение выступает в виде пожертвования, под которым признается дарение вещи или права в общепользовательных целях. При отсутствии данного условия пожертвование считается обычным дарением.

Собственно дарению в Гражданском кодексе Российской Федерации отведена гл. 32, которая так и называется «Дарение».

В целом, опираясь на законодательство, к юридическим методам благотворительности можно отнести следующие: *метод безвозмездной помощи, метод пожертвования, метод дарения, метод бескорыстного выполнения работ, метод бескорыстного предоставления услуг*. Кроме того, ФЗ № 135 допускает применение и других методов благотворительности (ст. 1).

В качестве принципов благотворительности как составной части методологии целесообразно учитывать принципы, изложенные в ст. 2 ФЗ № 135 в виде целей. Дело в том, что цели благотворительности изложены в определении благотворительной деятельности (ст. 1 ФЗ № 135): это бескорыстная помощь, а то, что сформулировано как цели, является основополагающими идеями и руководящими началами благотворительной деятельности, т. е. принципами.

Можно выделить такие принципы, как:

– социальная поддержка и защита граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы;

– подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;

– оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам;

– содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов;

– содействие укреплению престижа и роли семьи в обществе;

– содействие защите материнства, детства и отцовства;

– содействие деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности;

– содействие деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, а также пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан;

– содействие деятельности в области физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта);

– охрана окружающей среды и защита животных;

– охрана и должное содержание зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культурное, культурное или природоохранное значение, и мест захоронения;

– подготовка населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций, пропаганды знаний в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности;

– социальная реабилитация детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, безнадзорных детей, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации;

– оказание бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения;

– содействие добровольческой деятельности;

– участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

– содействие развитию научно-технического, художественного творчества детей и молодежи;

– содействие патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи;

– поддержка общественно значимых молодежных инициатив, проектов, детского и молодежного движения, детских и молодежных организаций;

– содействие деятельности по производству и (или) распространению социальной рекламы;

– содействие профилактике социально опасных форм поведения граждан.

В качестве учения о методах благотворительности можно назвать систему законодательства, регулирующего благотворительную деятельность, а также совокупность научных исследований, посвященных благотворительной деятельности.

С учетом проведенного исследования *методология благотворительной деятельности может быть определена как система методов и принципов, интегрированных в учение о благотворительности и применяемых для исследования и осуществления безвозмездной или на льготных условиях передачи различным субъектам собственности, в том числе денежных средств, а также по безвозмездному осуществлению работ, предоставлению услуг, оказанию иной помощи.*

Библиографический список

1. Андреев И. П. Проблемы логики и методологии познания / И. П. Андреев. – М. : Наука, 1972. – 320 с.
2. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М. : Аванта+, 2001. – 242 с.
3. Лукич Р. Методология права / Р. Лукич. – М. : Прогресс, 1981. – 304 с.
4. Павлова Ю. В. Правовая энтропия / Ю. В. Павлова. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2005. – 144 с.
5. Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: теория, технология, практика / О. Д. Третьякова. – М. : ЦСОТ, 2011. – 344 с.

References

1. Andreev I. P. Problems of Logic and Methodology of Cognition. M., Nauka, 1972. 320 p.
2. Kerimov D. A. Methodology of Law. The Object, Functions, Problems of Philosophy of Law. M., Avanta+, 2001. 242 p.
3. Lukich R. Methodology of Law. M., Progress, 1981. 304 p.
4. Pavlova Yu. V. Legal Entropy. Vladimir, VYuI FSIN Rossii, 2005. 144 p.
5. Tret'yakova O. D. Legal Convergence: Theory, Technology, Practice. M., CSOT, 2011. 344 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 342.52

М. С. Башимов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С СОВЕТОМ ЕВРОПЫ

Аннотация. Автор анализирует процессы интеграции Республики Казахстан с европейскими правовыми институтами.

Ключевые слова: Республика Казахстан, Совет Европы.

М. S. Bashimov

THE INTERACTION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN WITH THE COUNCIL OF EUROPE

Abstract. The author considers the processes of integration of the Republic of Kazakhstan into the European legal institutions.

Key words: the Republic of Kazakhstan, the Council of Europe.

Европа в течение продолжительного времени являлась театром военных действий. Негативные последствия войны (гибель и страдания людей, разруха, голод) побудили лидеров европейских государств предпринять шаги к тому, чтобы никогда больше этого не повторилось. Правительства десяти государств (Бельгия, Дания, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Нидерланды, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Швеции) собрались в Лондоне 5 мая 1949 г., чтобы учредить международную (межправительственную и межпарламентскую) организацию – Совет Европы, перед которой ставились цели: достижения единства между ее членами во имя защиты и

осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим наследием посредством заключения соглашений и осуществления совместных действий в вопросах экономического, социального, культурного, научного, правового и административного характера, а также обеспечения и дальнейшего совершенствования соблюдения прав человека и основных свобод.

Уставными принципами Совета Европы были провозглашены плюралистическая демократия, уважение прав человека и верховенство права. Его члены в соответствии со ст. 3 Устава Совета Европы признавали принципы верховенства права и предоставления всем лицам, находящимся под их юрисдикцией, прав человека и основных свобод¹.

© Башимов М. С., 2015

¹ Устав Совета Европы. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/Docum-Show_DocumID_36220.html (дата обращения: 27.03.2015).

Участие в деятельности Совета Европы помогает парламентам, правительствам постоянно поддерживать диалог, отстаивать специфические интересы, обмениваться опытом, искать и находить единые подходы к общим проблемам. В первую очередь деятельность Совет Европы направлена на защиту прав человека и основных свобод. Одним из самых значительных достижений Совет Европы в этой области считаются разработка и принятие 4 ноября 1950 г. в Риме Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вступившей в силу 3 сентября 1953 г.¹

Именно после Второй мировой войны в Европе наметилась тенденция к наднациональному характеру контроля за соблюдением прав и свобод человека и установлению так называемых европейских стандартов. Под данными стандартами понимаются прежде всего международно-правовые обязательства, развивающие и конкретизирующие принципы уважения прав человека. Это обязательства государств не только предоставлять лицам, находящимся под их юрисдикцией, какие-либо определенные права и свободы, но и защищать их. Это юридическое закрепление прав и свобод в Конвенции о защите основных прав и свобод, дополнительных протоколах к Конвенции и в других основополагающих документах Совета Европы, создание механизма судебной защиты прав человека в рамках данной организации, дополненной процедурой парламентского мониторинга за соблюдением государствами обязательств, взятых при вступлении в Совет Европы.

При этом складывающиеся стандарты Совета Европы вбирают в себя как универсальные, общечеловеческие нормы, так и присущие европейским региональным организациям. Однако, в отличие, например, от документов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, носящих больше политический характер, Совет Европы старается продвигаться по пути принятия международно-правовых документов, конвенций, выступающих источником права Совета Европы и руководством для политических действий властей государств-членов. Как уже отмечалось, за их выполнением осуществляется довольно пристальный и эффективный контроль со стороны действующих органов Совета Европы. Более 200 заключенных европейских конвенций и договоров, сотни принятых рекомендаций для государств – членов Совета Европы по важнейшим вопросам жизни общества отражают работу, проделанную Советом Европы в различных сферах его деятельности.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. предусматривает возможность человека обратиться в Европейский суд по правам человека (далее: ЕСПЧ) для защиты нарушенного права после того, как заявитель исчерпал все внутригосударственные средства защиты прав, предусмотренные национальным законодательством. Всеобщая декларация прав человека², международные пакты о правах человек, Конвенция о защите прав человека и основных свобод определили тот универсальный набор основных свобод, который в единстве призван обеспечить нор-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

² Рос. газ. 1998. 10 дек.

мальную жизнедеятельность индивида. Этот каталог формировался на основе тысячелетнего опыта борьбы за свободу и социальный прогресс.

В настоящее время членами Совета Европы являются 47 государств с населением свыше 800 млн человек: Австрия, Азербайджан, Албания, Андорра, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Мальта, Молдова, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Словения, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чешская Республика, Швейцария, Швеция, Эстония¹.

Эффективность деятельности Совета Европы как политико-правового института доказана временем. 64 года существования этой международной наднациональной организации показали, что нет другой международной организации в мире, которая бы так много сделала для реализации и защиты основных прав человека с наднациональным ЕСПЧ.

Казахстан начал сотрудничество с Советом Европы и его структурами в 1997 г.

Для Республики Казахстан (далее: РК) важным с точки зрения взаимодействия с Советом Европы стал 2012 г., чему во многом способствовал первый официальный визит в Казахстан Генерального секретаря Со-

вета Европы Турбьорна Ягланда в октябре 2011 г. По итогам этого визита было принято совместное заявление по расширению отношений РК с Советом Европы и присоединению РК к основным конвенциям этой организации². Делегация Парламентской Ассамблеи Совета Европы (далее: ПАСЕ) приняла участие в наблюдении за парламентскими выборами в РК в 2012 г., по итогам которых подготовила положительный доклад. Важным событием 2012 г. стало получение РК статуса официального члена Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия).

Представители Венецианской комиссии приняли участие в международной конференции, приуроченной ко дню Конституции РК.

В рамках совместного проекта Центральной избирательной комиссии РК, Венецианской комиссии Совета Европы «Поддержка electoralного процесса в Казахстане» в Страсбурге, Астане и Восточно-Казахстанской области прошли семинары и тренинги с участием европейских экспертов и работников Центральной избирательной комиссии РК. Всего было проведено две крупные региональные конференции и четыре тренинга.

Экс-президент ПАСЕ М. Чавушоглу и руководитель личного офиса Президента ПАСЕ П. Сих приняли участие в работе IV Съезда лидеров мировых и традиционных религий, проходившего в мае 2012 г. в Астане³. В ходе

¹ URL: <http://ria.ru/spravka/20121001/761495937.html> (дата обращения: 27.03.2015)

² URL: <http://www.zakon.kz/4452789-ural-mukhamedzhanov-prinjal-generalnogo.html> (дата обращения: 27.03.2015).

³ URL: <http://www.altyn-orda.kz/iv-sezd-liderov-mirovyyh-i-tradicionnyx-religij-zavershilsya-iv-sezd-liderov-mirovyyh-i-tradicionnyx-religij/> (дата обращения: 27.03.2015).

визита состоялись встречи с руководством государственных органов и Парламента РК, во время которых обсуждались важнейшие вопросы глобального диалога культуры и религий.

22–23 ноября 2012 г. в Страсбурге при поддержке Совета Европы состоялась вторая региональная встреча министров образования по расширению Европейского пространства высшего образования, участие в которой приняла и делегация РК.

Совет Европы совместно с РК работал над планом действий «По приоритетам сотрудничества Совета Европы в рамках политики соседства по отношению к Казахстану на 2012–2014 годы».

С начала 2001 г. в РК ведется работа по вопросу о присоединении Казахстана к целевым конвенциям Совета Европы в области уголовного судопроизводства. В феврале 2001 г. была направлена первая заявка РК на присоединение к целевым конвенциям Совета Европы в области уголовного судопроизводства:

- о выдаче (№ 024) и двум дополнительным протоколам к ней;
- о взаимной правовой помощи по уголовным делам (№ 030) и дополнительному протоколу к ней;
- о международной действительности судебных решений по уголовным делам (№ 070);
- о передаче производства по уголовным делам (№ 073).

Однако заявка была отклонена. В апреле 2009 г. Казахстан повторно направил в Секретариат Совета Европы заявку на присоединение к вышеперечисленным целевым конвенциям Совета Европы в области уголовного судопроизводства, а также борьбы с коррупцией:

- об уголовной ответственности за коррупцию (№ 173);

- о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (№ 174).

Одновременно странам – участникам Совета Европы и Секретариату данной организации были направлены подготовленные Генеральной прокуратурой РК на английском языке Уголовный кодекс РК, Уголовно-процессуальный кодекс РК, Закон РК «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Национальный план действий в области прав человека в РК на 2009–2012 гг.

Ввиду того, что в 2010 г. Швейцария высказалась против присоединения РК к Конвенции о выдаче (№ 024), в июле и сентябре 2011 г. Казахстаном повторно были направлены официальные заявки на присоединение к следующим целевым конвенциям Совета Европы:

- о взаимной правовой помощи по уголовным делам (№ 030);
- о международной действительности судебных решений по уголовным делам (№ 070);
- о передаче судопроизводства по уголовным делам (№ 073);
- об уголовной ответственности за коррупцию (№ 173);
- о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (№ 174).

В апреле 2012 г. состоялся визит в Страсбург представителей Агентства финансовой полиции, Генеральной прокуратуры и Министерства иностранных дел РК для обсуждения поправок, внесенных казахстанской стороной к закону о присоединении к указанным конвенциям. Для проведения презентации законодательства и достижений РК в области борьбы с коррупцией делегация финансовой полиции также приняла участие в заседании Группы государств против

коррупции ГРЕКО (исполнительный орган, осуществляющий общее взаимодействие стран – участниц конвенций № 173 и 174).

А 14–16 мая 2012 г. представители Агентства по борьбе с экономической и коррупционной преступностью РК приняли участие в 55-м пленарном заседании ГРЕКО в Страсбурге, где презентовали опыт борьбы РК с коррупцией.

8 ноября 2012 г. состоялась встреча министра иностранных дел РК Е. Идрисова с Генеральным прокурором РК А. Даулбаевым, в ходе которой обсуждались вопросы дальнейшего взаимодействия Министерства иностранных дел РК и Генеральной прокуратуры РК в сфере международного правового сотрудничества. Генеральная прокуратура РК обратилась за содействием в продвижении заявки Казахстана на присоединение к конвенциям Совета Европы в области уголовного судопроизводства и в подписании с европейскими странами двусторонних соглашений в области правового сотрудничества.

22–24 апреля 2013 г. состоялись рабочие визиты Генерального прокурора РК А. Даулбаева в Австрийскую Республику и Швейцарскую Конфедерацию с целью обсуждения вопроса о присоединении РК к целевым конвенциям Совета Европы и подписании двусторонних соглашений, а также перспектив дальнейшей активизации сотрудничества в правовой сфере.

20 мая 2013 г. Агентство по борьбе с экономической и коррупционной преступностью РК также официально обратилось в Министерство иностранных дел РК с просьбой подать заявку Казахстана на вступление

в ГРЕКО. 1 июля 2013 г. Министерство иностранных дел РК направил европейской стороне согласованный с госорганами РК проект плана действий, а также официальную заявку РК на вступление в ГРЕКО.

В декабре 2013 года Комитет министров Совета Европы формально утвердил пошаговый план действий по присоединению РК к целевым конвенциям Совета Европы в области уголовного правосудия – «Приоритеты добрососедского сотрудничества для Казахстана на 2014–2015 годы: сотрудничество по конвенциям Совета Европы в уголовной сфере». В это же время была подписана Совместная декларация о расширении сотрудничества между РК и Советом Европы, что стало окончательным утверждением указанного плана действий по присоединению РК к конвенциям Совета Европы в сфере уголовного судопроизводства и знаменовало начало его реализации в 2014 г.

18 марта 2015 г. в Астане состоялась встреча Уполномоченного по правам человека РК А. Шакирова с делегацией Совета Европы во главе с генеральным директором по правам человека и соблюдению законности Совета Европы Ф. Буайя. В ходе состоявшегося мероприятия обсуждалось двустороннее сотрудничество в рамках совместного проекта «Поддержка в улучшении качества и эффективности системы правосудия Казахстана», который будет реализован РК, Советом Европы и Евросоюзом в 2015–2017 г. г. Цель проекта – оказание поддержки РК в совершенствовании уголовного правосудия и приближении его к европейским и международным стандартам¹.

¹ URL: bnews.kz/ru/news/post/258504 (дата обращения: 27.03.2015).

Таким образом, РК продолжает работу по интеграции с европейскими правовыми институтами и присоединению к конвенциям Совета Европы.

Библиографический список

1. *Башимов М. С.* Сотрудничество Совета Европы с Республикой Казахстан / М. С. Башимов // Гос. упр. и гос. служба. – 2013. – № 3. – С. 27–30.
2. *Кенжегалиев Р. С.* О ратификации Казахстаном Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод / Р. С. Кенжегалиев. – Режим доступа: konkurs.zakon.kz/4611755-o-ratifikacii-kazakhstanom.html.

References

1. *Bashimov M. S.* The Cooperation of the Council of Europe with the Republic of Kazakhstan. *Gosudarstvennoe Upravlenie i Gosudarstvennaya Sluzhba*. 2013. No. 3. P. 27–30.
2. *Kenzhegaliev R. S.* On Ratification of Kazakhstan the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. URL: konkurs.zakon.kz/4611755-o-ratifikacii-kazakhstanom.html.

**ВКЛЮЧЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОЦЕСС
ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ И ИНСТИТУТ ВЫСТАВОЧНО-
ЯРМАРОЧНОГО И КОНГРЕССНОГО ДЕЛА**

Аннотация. В статье анализируются научные и правовые основы выставочно-ярмарочного дела как отдельной юридической категории в международном экономическом праве в контексте обеспечения международной экономической безопасности, современные тенденции формирования терминологической системы, а также наиболее важные научно-правовые аспекты института выставочно-ярмарочного и конгрессного дела.

Ключевые слова: обеспечение международной экономической безопасности, международное право, выставочно-ярмарочное и конгрессное дело, институт международного экономического права.

I. S. Zarubin

**INVOLVING OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROCESS
OF ENSURING INTERNATIONAL ECONOMIC SECURITY
AND THE INSTITUTE OF FAIR, EXHIBITION AND CONGRESS ACTIVITY**

Abstract. This article discusses the scientific and legal basis of fair, exhibition and congress activity as a separate legal category in the international economic law in the context of ensuring international economic security, analyzes basic modern trends for the forming of the special terminological system as well as the most important scientific-legal aspects of the institute of fair, exhibition and congress activity.

Key words: ensuring international economic security, international law, the fair, exhibition and congress activity, institute of international economic law.

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации в системе современных международных отношений определено активным внешнеэкономическим курсом страны по обеспечению выполнимости со стороны всех государств – членов ООН своих международных обязательств на основе принципа добросовестности. Пункт 2 ст. 2 Устава ООН предметно предписывает следующее:

«Все члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации»¹.

Значимость добросовестного выполнения всеми государствами – членами мирового сообщества своих

международных обязательств независимо от источника их возникновения вписывается в общий формат юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) государств. Наше концептуальное восприятие проблемы в полной мере обоснованно подтверждает общепризнанный характер установочной востребованности добросовестного выполнения всеми государствами своих международных обязательств с прямым выходом на поддержание юридической безопасности стран – членов мирового сообщества¹.

В ситуации взаимоприемлемого поведения государств в общих параметрах миропорядка на основе верховенства права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) весь позитив современного международного права с его отраслевым составом направлен на обеспечение международной законности и правопорядка. В этом контексте международное экономическое право как важная составляющая всей системы современного права качественным образом содействует поддержанию на должном уровне юридической безопасности государств в сфере взаимоприемлемого взаимодействия государств в экономической области. Международное экономическое сотрудничество государств в соответствии с Уставом ООН приобретает характер юридически безопасного (в ситуации соблюдения субъективных прав и законных интересов) общения в целях:

поддержания международного мира и безопасности; добросовестного выполнения принятых на себя международных обязательств согласно Уставу ООН; разрешения международных споров мирными средствами; воздержания от угрозы силой или ее применения; оказания поддержки ООН во всех действиях в соответствии с Уставом ООН; обеспечения выполнимости со стороны государств-нечленов комплекса мер по поддержанию международного мира и безопасности; недопустимости вмешательства в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (ст. 1).

Российская Федерация как великая держава, постоянный член Совета Безопасности ООН в формате заявительного действия по линии приверженности верховенству права (это нашло свое проявление в акте подписания Декларации тысячелетия 2000 г. и Итогового документа Всемирного саммита 2005 г.), посредством своего юридически значимого активного поведения в сфере внешнеэкономического взаимодействия открыто обозначает режим включенности в систему универсальной международной правовой безопасности. Пользование субъективными правами здесь осуществляется при обстоятельствах недопущения нарушения обязательства по ненанесению ущерба субъективным правам другого государства – контрагента первого государства. Граница, обозначающая режим должного

¹ См., напр.: *Дмитриева Г. К.* Становление принципа недопустимости злоупотребления правом // Сов. ежегодник междунар. права 1987. М., 1988. С. 114; *Ее же.* Принцип добросовестности в современном международном праве // Правоведение. 1979. № 6. С. 85–86; *Каламкарян Р. А.* Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004. С. 256–269; *Poul V.* The abuse of rights and bona fides in international law // *Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht und Völkerrecht*, 1977. Bd. 28. № 1/2. S. 125–129; *Jacque J. P.* Elements pour une theorie de l'acte juridique en droit international public. Paris, 1972. P. 343–344; *Schwarzenberger G.* The Dynamics of International Law. London, 1976. P. 8, 56.

пользования субъективными правами, в миропорядке на основе верховенства права определяет себя в формате добросовестного выполнения государствами своих международных обязательств, независимо от источника их возникновения.

Международное экономическое пространство, будучи составной частью универсального мирового пространства, упорядочено в режиме общих требований современного международного права. Предписания добросовестного соблюдения международных обязательств и соответственно недопустимости злоупотребления правом обозначают себя в формате всего спектра установлений должного поведения по линии международного экономического взаимодействия государств.

Российская Федерация, определяя свой курс в части международного экономического сотрудничества, строго придерживается общепризнанных стандартов должного поведения на уровне права и справедливости. Внешнеполитический курс Российского государства, установленный в параметрах верховенства права, содействует обеспечению юридической безопасности стран – членов мирового сообщества в процессе международного экономического взаимодействия.

В параметрах своей международно-правовой значимости в качестве отдельной юридической категории в этом процессе участвует и институт выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности.

Развитие мирового хозяйства неразрывно связано с международ-

ными торговыми выставками, ярмарками и конгрессами, оказывающими стимулирующее воздействие на развитие экономики¹.

Международно-правовая вовлеченность Российской Федерации в формат востребованности предметного регулирования института выставочно-ярмарочного дела (в общих параметрах международного экономического права) делает концептуальной и практически актуальной задачу выявления юридического существа предметного регулирования института выставочно-ярмарочного дела по всем направлениям современного международного (публичного) права.

Международно-правовая доктрина не раскрывает понятие выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности, в то время как российская нормотворческая практика дает исчерпывающее определение его в двух национальных стандартах².

В частности, выставочно-ярмарочная деятельность определяется как предпринимательская деятельность в сфере услуг, осуществляемая для содействия становлению отношений торгово-экономического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества (ГОСТ Р 53103-2008, ст. 2.1.1). Под конгрессной деятельностью понимается предпринимательская деятельность, направленная на создание благоприятных условий для персонифицированного обмена информацией, деловых и научных контактов с целью установления и развития отношений между изготовителем товаров, поставщиками услуг и потребителями товаров и услуг,

¹ Петелин В. Г. Основы менеджмента выставочной деятельности. М., 2012. С. 6.

² ГОСТ Р 53103-2008. Деятельность выставочно-ярмарочная. Термины и определения. М., 2009 ; ГОСТ Р 53524-2009. Конгрессная деятельность. Термины и определения. М., 2010.

осуществляемая в процессе организации и проведения конгрессных мероприятий (ГОСТ Р 53524-2009, ст. 2.1).

Следуя традициям российской научной мысли в области международного публичного права, понятие «выставочно-ярмарочная и конгрессная деятельность» (далее: ВЯКД) можно рассматривать в узком и широком смысле.

В узком смысле ВЯКД является предпринимательской деятельностью в сфере услуг, которая осуществляется для содействия становлению отношений торгово-экономического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества. В широком смысле анализируемое понятие включает в себя определения ВЯКД по смыслу российских национальных стандартов, рынок выставочно-ярмарочных и конгрессных услуг, государственную координацию и поддержку выставочно-ярмарочных и конгрессных мероприятий, отдельные выставочно-ярмарочные и конгрессные мероприятия и др., т. е. ВЯКД является подотраслью экономики, институтом международного экономического права. В настоящей статье ВЯКД рассматривается в широком смысле.

Основными научными категориями института ВЯКД являются терминология, классификация и функции выставок, ярмарок и конгрессов.

Терминология

Терминологическую систему указанного института формируют определения из различных областей знания – экономики, социологии, юриспруденции и др. При этом часть из них сформулирована непосредственно для ВЯКД. Именно они являются основой термино-

логической системы и нормами-дефинициями института выставочно-ярмарочного дела (отраслевые термины).

С развитием науки и техники, мировой экономики и международного права выставочная терминология изменяется: неиспользуемые на практике термины («кустарно-ремесленная выставка», «этикетаж» и др.) перестают употребляться и включаться в нормативные правовые акты, в то время как более актуальные определения («виртуальная выставка», «экспонент», «центр выставочный», «услуги выставочные» и др.) не только включаются в правовые документы, но и становятся нормами-дефинициями указанной сферы.

Значение выставочных терминов с течением времени также меняется. Ярким тому примером является эволюция значения терминов «выставка» и «ярмарка». В результате развития ВЯКД различия между понятиями «ярмарка» и «выставка» были сведены к нулю практически во всех национальных и международных нормативных правовых актах. В частности, положения международного и российского стандартов выставочной терминологии не делают различий между определениями «выставка» и «ярмарка» (п. 3.1 Стандарта ISO 25639-1:2008 «Выставка, представления, ярмарки и съезды» и п. 2.2.2 ГОСТ Р 53103-2008 «Деятельность выставочно-ярмарочная. Термины и определения»).

Одним из немногих исключений является законодательство ФРГ, в котором различия между указанными понятиями сохранились до настоящего времени (§ 64 и 65 Закона Германии «О занятии промыслом»)¹. Од-

¹ Rieß P. C. Messe- und Ausstellungsrecht: Grundlagen, Zuständigkeiten, Inhalte. Inaugural-Dissertation Stuttgart, Köhler, 1998. S. 3.

нако эти различия не имеют существенных правовых последствий, а являются лишь данью традиций.

Отраслевые термины, наиболее востребованные практикой, содержатся как в международных нормативных правовых актах (Парижская конвенция о международных выставках 1928 г., Соглашение стран СНГ о развитии выставочно-ярмарочной деятельности, Стандарт ISO 25639-1:2008 «Выставки, представления, ярмарки и съезды» и др.), так и в национальных (внутренних) источниках права (Рамочный закон Италии о выставочно-ярмарочном секторе от 11 января 2001 г., Закон Германии «О занятии промыслом», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 июля 2004 г. № 890 «О некоторых вопросах выставочной и ярмарочной деятельности», ГОСТ Р 53103-2008 «Деятельность выставочно-ярмарочная. Термины и определения», ГОСТ Р 53524-2009 «Конгрессная деятельность. Термины и определения» и др.).

Характер и область применения отраслевых выставочных терминов различны и зависят от предмета и юридической силы источника права, в которых они закреплены. Определения, содержащиеся в международных соглашениях (например, в Конвенции о международных выставках, заключенной в Париже 22 ноября 1928 г., в редакции Протокола от 30 ноября 1972 г.), подлежат применению только к тем выставочно-ярмарочным мероприятиям, которые входят в предмет их регулирования (например, всемирные универсальные выставки «ЭКСПО»). Использование таких терминов носит императивный характер.

Специальные отраслевые термины, закрепленные в международных и национальных стандартах имеют неограниченную область применения, однако их использование является диспозитивным. При этом применение национальных стандартов в России является обязательным в документации и литературе всех видов по выставочно-ярмарочной деятельности, входящих в сферу работ по стандартизации и (или) использующих результаты этих работ.

Выставочные термины национального законодательства применяются только на территории отдельного государства или объединения стран, при этом в зависимости от силы нормативного документа их применение может носить как обязательный, так и рекомендательный характер.

В целях расширения экономических связей государств – членов мирового сообщества в XXI в. выставочно-ярмарочная и конгрессная терминология подверглась унификации. Так, в 2008 г. был принят международный терминологический стандарт выставочных определений ISO 25639-1:2008¹, главной целью которого является содействие расширению сотрудничества участников международной выставочно-ярмарочной деятельности вследствие одинакового толкования специальных выставочно-ярмарочных терминов.

По мнению руководителя комитета ISO / RS 237 (разработка выставочной терминологии) С. Тана, «международный консенсус, достигнутый в отношении терминологии ISO 25639-1:2008, обеспечил единый связующий механизм, который повысит степень про-

¹ URL: http://www.iso.org/iso/ru/catalogue_detail?csnumber=43909 (дата обращения: 12.12.2013).

значности и профессионализма в возрастающем масштабе глобальной выставочной деятельности; участники такой деятельности – организаторы выставок, подрядчики, экспедиторы и аудиторские фирмы получили возможность последовательного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами»¹.

В целях большей унификации положения стандарта ISO 25639-1:2008 предусматривают имплементацию его в национальные законодательства заинтересованных стран. Так, указанный акт имплементирован в болгарское право – Болгарский государственный стандарт «Выставки, специализированные салоны, ярмарки, и конгрессные мероприятия. Часть 1: Словарь»². Представляется, что имплементация этого документа в национальные законодательства максимального числа государств – членом мирового сообщества окажет положительное влияние на дальнейшее развитие указанного вида деятельности.

В современные нормативные правовые акты по выставочной терминологии стали включаться стандартизированные методы учета для анализа развития ВЯКД. Так, ч. 2 стандарта ISO 25639-1: 2008 подробно формулирует единые процедуры для статистических целей ВЯКД. Представляется, что включение методов статистического учета в выставочную терминологию будет в дальнейшем способствовать систематизации показателей раз-

вития и эффективности международной ВЯКД. Это в свою очередь позволит получать более достоверную информацию о микро- и макровыставочных показателях, о международных выставках, ярмарках и конгрессах.

Здесь следует отметить, что российские национальные стандарты по ВЯКД не содержат норм по оценке и измерению параметров в статистических целях, и это является их главным недостатком. Именно поэтому полагаем целесообразным начать работу по их адаптации положениям стандарта ISO 25639-1:2008 в полном или частичном объеме при безусловном соблюдении интересов участников российского рынка ВЯКД.

Классификация

С международно-правовой точки зрения различают выставочно-ярмарочные мероприятия, регулируемые Конвенцией о международных выставках 1928 г. (в редакции Протокола 1972 г.) и не регулируемые ей³. Подпадающие под действие данной Конвенции выставочно-ярмарочные мероприятия регулируются нормами международного публичного права, в то время как остальные международные выставки и ярмарки – нормами международного частного и национального (внутреннего) права.

Учитывая многообразие и неоднородность выставок и ярмарок, в академических трудах и специализированных правовых актах по выставочному

¹ URL: http://www.expofairs.com/FMPro?-db=news.fp5&-lay=g&-format=news_moreinfo_eng.-htm&ric_recid=20081231171818&errorsave=1&ric_target=mne&ric_userid=&ric_codlog=&-script=moreinfo&-find= (дата обращения: 12.12.2013).

² URL: http://www.bds-bg.org/bg/standard/?keywords=ISO+25639&app_search_in=1&Submit= (дата обращения: 12.12.2013).

³ Щербинина О. Е. Правовая природа договоров на организацию (проведение) международных торгово-промышленных выставок в СССР и участие в них // Правоведение. 1984. № 2. С. 78–82.

делу в основу классификации выставок закладываются различные критерии: *цель проведения* (коммерческие/некоммерческие выставочно-ярмарочные мероприятия), *состав участников* (всемирные, международные, национальные, региональные и местные выставочно-ярмарочные мероприятия), *периодичность проведения* (проводимые с определенной периодичностью, нерегулярные и постоянно действующие), *содержание представленных экспонатов* (универсальные (общепотребительные) и специализированные выставки и ярмарки).

Наиболее распространенной стала классификация выставок и ярмарок Международной ассоциации выставочной индустрии (UFI)¹. В соответствии с последней редакцией этого документа от 1995 г. утверждена предметная классификация выставочно-ярмарочных мероприятий, в основу которой положены основные потребности человека в конкретных товарах, оборудовании и услугах. Содержит 15 классов и десятки подклассов, корректируемых в случаях исчезновения или появления определенных тематик выставок и ярмарок.

Несмотря на широкое распространение и универсальность международной классификации выставок UFI, действующая редакция указанного документа, по мнению автора, не в полной мере отражает современные тенденции развития выставочно-ярмарочной деятельности. Так, классификация 1995 г. не содержит появившихся в конце XX в. «виртуальных»

выставок, значение которых в международном выставочном обороте с каждым годом увеличивается². В связи с этим можно инициировать вопрос о включении категории «виртуальные выставки» в классификации UFI.

В соответствии с Приложением 1 к Концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации от 10 июля 2014 г. № 1273-р³ выставки, ярмарки и конгрессы классифицируются по 5 основным признакам:

- географическому составу экспонентов (в зависимости от того, какие страны (регионы) они представляют);
- тематическому (отраслевому) признаку;
- значимости мероприятия для экономики города, региона и страны;
- территориальному признаку (на территории какой страны проводятся выставочно-ярмарочные и конгрессные мероприятия);
- времени функционирования (в зависимости от продолжительности работы).

По географическому составу экспонентов выделяются следующие выставки, ярмарки и конгрессы:

- всемирные (демонстрация странами своих достижений в области экономики, науки, техники и культуры, в частности, всемирные универсальные выставки «ЭКСПО»);
- международные (участие фирм из разных стран, участие иностранных экспонентов не менее 10 процентов общего числа экспонентов, официаль-

¹ Гусев Э. Б., Прокудин В. А., Салащенко А. Г. Выставочная деятельность в России и за рубежом. М., 2004. С. 6–8.

² URL: http://www.ufinet.org/Public/Default.aspx?CLEF_SITESMAPS=152#1.2 (дата обращения: 08.06.2014).

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 29, ст. 4177.

ные делегации иностранных государств, соответствие выставочно-ярмарочного и конгрессного оборудования и предоставляемых услуг международным стандартам);

– с международным участием (число иностранных участников менее 10 процентов общего числа участников);

– национальные (участие фирм отдельно взятой страны);

– межрегиональные (демонстрация продукции и услуг производителей из нескольких регионов);

– местные (региональные, с участием фирм только из того города или региона, где проводится выставка, ярмарка или конгресс).

В соответствии с отраслевой принадлежностью выставляемых экспонатов выставки, ярмарки и конгрессы подразделяются на универсальные и специализированные (многоотраслевые и отраслевые).

По значимости мероприятия выставки, ярмарки и конгрессы классифицируются:

– на выставки федерального значения (имеющие значение для страны в целом);

– выставки межрегионального значения (имеющие значение для нескольких регионов страны);

– выставки регионального значения (имеющие значение только для одного региона);

– выставки местного значения (имеющие значение для города или области).

По территориальному признаку выставки, ярмарки и конгрессы подразделяются на выставки, проводимые внутри страны, и выставки, проводимые на территории других стран.

По времени функционирования выделяются выставки, ярмарки и конгрессы постоянно действующие (0,5–

1 год и более), временные (0,5–5 месяцев) и краткосрочные (от 1–5 дней до 0,5 месяца).

Функции выставок, ярмарок и конгрессов

В отечественной литературе (В. Г. Петелин, О. Е. Щербинина и др.) в целом выделяют *рекламную, информационную, коммерческую и пропагандистскую* функции выставок, ярмарок и конгрессов, в то время как зарубежные авторы (П. Рис, П. Фридрих, О. Хазеллоф, Х. Хунке и др.) проводят деление их функций на *общественные, макро- и микроэкономические*.

С течением времени роль и значение функций выставок, ярмарок и конгрессов менялись. Так, изначально они выполняли в основном информационную функцию. Позднее более важное значение получила коммерческая функция. После того как выставки и ярмарки стали «выставками образцов», главным критерием в выделении их функций стало значение выставочно-ярмарочных и конгрессных мероприятий для общества и экономики.

На современном этапе развития мировой экономики, безусловно, главное значение приобрели экономические функции выставок, причем не только для участников выставочного процесса (экспонентов, организаторов и посетителей), но и для городов, регионов и стран в целом, которые выступают в качестве опосредованных участников ВЯКД.

Экономический эффект (функция) выставок заключается в полезном результате экономической деятельности, измеряемом обычно разностью между денежным доходом от деятельности и денежными расходами на ее осуществление, получаемым выставочными организациями, смежными отраслями

экономики и ростом числа занятых рабочих мест (ГОСТ Р 53103-2008, п. 2.1.11). При этом в ГОСТ Р 53103-2008 экономическая функция разделена на социально-экономическую и мультипликативную подфункции.

Социально-экономическая подфункция выставок состоит в положительном влиянии выставочно-ярмарочной деятельности на экономику, уровень и качество жизни населения. В свою очередь положительное влияние выставочно-ярмарочной деятельности складывается из выгод первого порядка, т. е. прямых доходов от посетителей и экспонентов выставок/ярмарок; второго порядка – доходов государства и роста занятости населения в месте проведения выставочно-ярмарочного мероприятия и долговременных выгод – влияния выставок/ярмарок на национальную/региональную экономику.

Мультипликативная подфункция (эффект) выставок и ярмарок заключается в стимулирующем влиянии института ВЯКД на развитие промышленности, рост экспорта, международную торговлю, внедрение новых технических решений, престиж фирмы, имидж выставочного города.

Юридические категории

Основными юридическими категориями ВЯКД являются международно-правовые отношения в указанной сфере, субъекты ВЯКД, а также источники международно-правового регулирования ВЯКД.

ВЯКД является динамично развивающейся подотраслью мировой экономики. Ежегодно в мире проходят несколько тысяч крупных выставочно-ярмарочных и конгрессных мероприятий, участие в которых принимают десятки

миллионов человек. Участники, организаторы и посетители этих мероприятий вступают в многочисленные отношения в связи с международными выставками, ярмарками и конгрессами.

Международные отношения, возникающие в связи с выставочно-ярмарочными и конгрессными мероприятиями, предлагается именовать международными выставочно-ярмарочными и конгрессными отношениями (далее: МВЯКО), а урегулированные нормами международного права – международно-правовыми выставочно-ярмарочными и конгрессными отношениями.

МВЯКО являются частью международных экономических отношений, т. е. хозяйственных связей между национальными экономиками разных стран – как межгосударственных, так и немежгосударственных¹. При этом МВЯКО имеют ряд характерных особенностей, которые выделяют их в системе международных экономических отношений:

– разнообразие предмета – в систему МВЯКО входят отношения, связанные с участием, организацией, проведением, аудитом выставочно-ярмарочных и конгрессных мероприятий, а также отношения в связи с поддержкой, регулированием, координацией и управлением ВЯКД;

– широкий субъектный состав – государства, международные организации, операторы международных экономических отношений.

Несмотря на то, что элементом механизма международно-правового регулирования института ВЯКД является только собственно международно-правовое выставочно-ярмароч-

¹ Шумилов В. М. Международное экономическое право. М., 2011. С. 27.

ное правоотношение, объектом данной научной работы является анализ всех международных отношений, возникающих в выставочно-ярмарочной и конгрессной сфере.

Итак, МВЯКО так же, как и международные экономические отношения (в широком смысле этого понятия), имеют два уровня отношений – в зависимости от наличия публичного и частного элементов:

а) отношения публично-правового характера между субъектами международного права: государствами, международными организациями (участие и организация всемирных выставок, создание норм международного права и т. д.). Именно эти отношения регулируются международным правом;

б) отношения частного правового характера между физическими и юридическими лицами разных стран в связи с участием в международных выставках и ярмарках (гражданско-правовые, таможенные, налоговые и другие отношения). Эти отношения регулируются внутренним правом каждого государства или международным частным правом.

На современном этапе развития ВЯКД государства и международные организации вступают в основном в весьма ограниченный круг отношений по поводу международных выставок: отношения по разработке универсальных правил в сфере института ВЯКД и отношения, связанные с организацией всемирных универсальных выставок и участием в них. Последние включают в себя две подгруппы: отношения государства-организатора выставки «ЭКСПО» с Международным бюро выставок, а также отношения государства-организатора всемирной универсальной выставки с государ-

ствами и международными организациями – участниками всемирных выставок «ЭКСПО».

Преобладающее число МВЯКО возникает между операторами международных экономических отношений, а также между операторами международных экономических отношений и государствами («диагональные отношения»). Их правовое регулирование носит частноправовой характер. Учитывая многообразие правоотношений на частном уровне, в целях их подробного анализа представляется целесообразным классифицировать их на пять основных групп отношений: 1) между организатором и экспонентом выставки; 2) между организатором выставки и государством; 3) между организатором и посетителем выставки; 4) между экспонентом выставки и государством и 5) между экспонентом и посетителем выставки.

Итак, первую группу составляют отношения, возникающие между организатором международной выставки/конгресса и экспонентом/участником в связи с оказанием ему выставочных и конгрессных услуг (ГОСТ Р 53103-2008, п. 2.13). Указанная группа МВЯКО является самой многочисленной и разнообразной по предмету, так как организатор и экспонент являются основными субъектами выставочно-ярмарочных правоотношений. В нее входят отношения по оказанию экспоненту организационных, протокольных, таможенных, информационных, справочных, монтажно-демонтажных, инженерно-технических, транспортно-экспедиторских, дизайнерских, аудиовизуальных, переводческих, рекламных, банковских, складских, визовых, гостиничных, медицинских, почтово-теле-

графных и телефонных, типографских, учебно-познавательных, юридических, курьерских, культурно-развлекательных, охранных, уборочных и иных услуг на международном выставочно-ярмарочном мероприятии.

Отношения между организатором выставки/конгресса и государством в основном сводятся к отношениям по наделению правами на проведение международных выставочно-ярмарочных мероприятий (лицензирование ВЯКД) или к отношениям по поддержке международных выставочно-ярмарочных мероприятий, имеющих важное значение для развития экономики региона или страны в целом. Если в средние века проведение ярмарок было возможно только на основании выданных феодалами разрешений, то сегодня «лицензирование» выставочной деятельности используется редко – в основном в целях защиты внутреннего рынка и национальных выставочных организаторов.

Так, в ряде стран (Китай, Италия) для осуществления выставочной деятельности зарубежным компаниям может потребоваться лицензия или специальное разрешение. При этом обязательное лицензирование выставочных мероприятий в Китае не согласуется с основными положениями Генерального соглашения по торговле услугами Всемирной торговой организации (о неправомерности лицензирования, в частности, свидетельствует тот факт, что при получении лицензий предпочтение отдается национальным компаниям. В Италии необходимость получения разрешения зависит от условий, предъявляемых в свою очередь тем или иным государством к

предприятиям из Италии, желающим организовать свою выставку в данной стране¹.

Следует отметить, что по данному вопросу международное выставочное сообщество по инициативе «развитых» выставочных держав идет по пути выработки унифицированных подходов либерализации международного выставочного рынка (странами – членами Всемирной торговой организации подписано Генеральное соглашение по торговле услугами, Европейский союз и другие международные интеграционные объединения также вводят единые правила доступа на рынок выставочных услуг).

Отношения по поддержке международных выставочно-ярмарочных и конгрессных мероприятий, возникающие между государством и организатором, а также государством и экспонентом, как правило, реализуются в рамках государственной системы поддержки ВЯКД. Так, указанная система в России состоит из совокупности мер, обеспечивающих официальную поддержку выставочно-ярмарочных и конгрессных мероприятий, а также содействие российским предпринимателям, товаропроизводителям и экспортерам в продвижении продукции, товаров и услуг на российском и зарубежных рынках.

Правоотношения между организатором и посетителем международной выставки не многочисленны. Среди них, пожалуй, можно выделить только отношения, связанные с проходом на выставку. Эти отношения носят сугубо частноправовой характер.

Международные отношения между экспонентом и посетителем

¹ *Harms Jan.* Markteintrittsentscheidungen in den BRIC-Staaten, Bachelorarbeit Köln, 2011. S. 24–28.

выставки сегодня встречаются очень редко. Примером таких отношений выступают случаи, когда выставочные экспонаты или образцы продаются в ходе международного выставочно-ярмарочного мероприятия.

Вышеперечисленные виды отношений являются предметом правового регулирования отношений в области международного выставочного дела, в то время как объектами отношений служат международные выставочно-ярмарочные мероприятия, всемирные универсальные выставки «ЭКСПО», выставочные экспонаты и др.

Бесспорными субъектами международно-правовых выставочно-ярмарочных отношений являются государства и международные межправительственные организации. Вместе с тем основными участниками международных отношений в выставочной сфере выступают физические и юридические лица (многонациональные организации и транснациональные корпорации) – операторы международных экономических отношений.

Государства и международные межправительственные организации все реже участвуют в различных МВЯО, при этом они оставляют за собой право при необходимости принимать решения по наиболее актуальным вопросам международно-правового регулирования института ВЯКД.

На современном этапе развития института ВЯКД основными участниками МВЯКО все же являются операторы международных экономических отношений, при этом регулирование возникающих между ними отношений находится в плоскости международного частного и национального права.

Основными источниками международно-правового регулирования института ВЯКД являются международные договоры. При этом ряд соглашений посвящен непосредственно международно-правовой включенности института ВЯКД в систему международных экономических правоотношений, среди них: Парижская конвенция о международных выставках 1928 г., Соглашение стран СНГ о развитии выставочно-ярмарочной деятельности 1995 г. Несмотря на снижающееся значение и изменившийся характер всемирных выставок «ЭКСПО» в мире¹, они продолжают привлекать внимание миллионов человек, и их правовое регулирование востребовано международным сообществом. Именно поэтому, в частности, между странами – членами СНГ подписано специализированное межправительственное соглашение, подчеркивающее значение выставок и конгрессов в развитии экономики региона.

Отдельные важные аспекты института ВЯКД (таможенные вопросы, защита экспонатов и др.) урегулированы в рамках международного таможенного права и международно-правового регулирования охраны интеллектуальной собственности – Таможенная конвенция о карнете А.Т.А. для временного ввоза товаров (Брюссель, 1961 г.), Конвенция о временном ввозе (Стамбул, 1990 г.) и Конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 1883 г.).

Важными источниками международно-правового регулирования института ВЯКД являются решения и декларации международных специализированных организаций – Международного бюро выставок, Всемирной

¹ *Кокарева В. А.* История участия России во всемирных выставках // История государства и права. 2006. № 2. С. 11–15.

организации выставочной индустрии и Международной ассоциации конгрессов и конференций.

По мере развития современного международного правопорядка мировое сообщество прошло эволюционный путь международно-правового восприятия выставочно-ярмарочных мероприятий от многообразия к единому взаимосогласованному пониманию как отдельного институционно-правового сегмента в рамках международного экономического права. И уже далее, в общих параметрах выставочно-ярмарочных мероприятий, установлено формирование отдельного института ВЯКД в качестве самостоятельного направления в системе международных экономических правоотношений.

Поступательное продвижение режима современных международных отношений в направлении миропорядка ставит в плане востребованности задачу обеспечения юридической безопасности всех стран – членов мирового сообщества на основе суверенного равенства государств (п. 1 ст. 2 Устава ООН). Юридическая безопасность государства как совокупность его субъективных прав и законных интересов непосредственно связана с принципом

суверенного равенства государств. В той мере, в какой все государства – члены мирового сообщества находятся в статусе суверенного равенства, в такой и их юридическая безопасность в аспекте имманентно присущего свойства его суверенитета всегда равноценна (в смысле наполняемости предметным составом субъективных прав и законных интересов).

Российская Федерация в порядке соблюдения всех общепризнанных принципов согласно Уставу ООН строит свои отношения с другими государствами исключительно на основе принципа суверенного равенства всех государств в аспекте равноценности их юридической безопасности. При обстоятельствах статусности Российской Федерации в качестве великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН она как член мирового сообщества исходит из принципиальной позиции суверенного равенства всех государств и равноценности их юридической безопасности по всем направлениям международного сотрудничества. Приверженность Российской Федерации верховенству права есть реально действующий юридический принцип внешнеполитического курса страны.

Библиографический список

1. *Гусев Э. Б.* Выставочная деятельность в России и за рубежом / Э. Б. Гусев, В. А. Прокудин, А. Г. Салашенко. – М. : Дашков и К°, 2005. – 516 с.
2. *Кокарева В. А.* История участия России во всемирных выставках / В. А. Кокарева // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 11–15.
3. *Петелин В. Г.* Основы менеджмента выставочной деятельности / В. Г. Петелин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 447 с.
4. *Шумилов В. М.* Международное экономическое право : учеб. для магистров / В. М. Шумилов. – М. : Юрайт, 2011. – 612 с.
5. *Щербинина О. Е.* Правовая природа договоров на организацию (проведение) международных торгово-промышленных выставок в СССР и участие в них / О. Е. Щербинина // Правоведение. – 1984. – № 2. – С. 78–82.

References

1. *Gusev E' B., Prokudin V. A., Salashhenko A. G.* Exhibition Activity in Russia and Abroad. M., Dashkov i K°, 2005. 516 p.
2. *Kokareva V. A.* History of Russian's Participation in International fairs. *Istoriya Gosudarstva i Prava.* 2006. No. 2. P. 11–15.
3. *Petelin V. G.* Fundamentals of Management of Exhibition Activities. M., YuNITI-DANA, 2012. 447 p
4. *Shumilov V. M.* International Economic Law. M., Yurajt, 2011. 612 p.
5. *Shherbinina O. E.* Legal Nature of Contracts on the Organization (Holding) International Trading-industrial Exhibitions in the USSR and the Participation. *Pravovedenie.* 1984. No. 2. P. 78–82.

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. Даны авторские определения понятий «криминологическая безопасность субъектов активного и пассивного избирательного права»; «электоральная коррупционная преступность»; «коррупционная угроза»; «коррупционная опасность»; «координация деятельности по предупреждению коррупционных преступлений в сфере избирательного процесса».

На основе оценки отечественных и зарубежных исследований, а также авторских эмпирических криминологических изысканий выделены факторы, детерминирующие коррупционные угрозы.

Основываясь на анализе криминологических концепций политической криминологии, криминологии массовых коммуникаций, антикриминальной безопасности, разработаны концептуальные элементы модели антикоррупционного направления безопасности субъектов активного и пассивного избирательного права.

Ключевые слова: безопасность субъектов активного и пассивного избирательного права, коррупционная преступность, коррупционная угроза, коррупционная опасность, электоральная коррупция, подкуп избирателей, факторы, детерминирующие коррупционные угрозы, координация деятельности по предупреждению коррупционных преступлений в сфере избирательного процесса.

Yu. N. Klimova

ANTICORRUPTION DIRECTION SAFETY OF SUBJECTS SUFFRAGE

Abstract. The definitions «anti-corruption strategy», «the legal criminological security», «ballot security», «electoral corruption», «corruption risk», «coordination of activities for the prevention of corruption crimes in the election campaign» are formulated in the article.

Based on the analysis of Russian and foreign research, the author formulates the factors determining the risks of corruption.

The problems of legal criminological security of the voters and candidates are investigated.

Key words: anti-corruption strategy, the legal criminological security, ballot security, electoral corruption, bribery of voters, corruption risk, factors determining the risks of corruption, coordination of activities for the prevention of corruption crimes in the election campaign.

Одним из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и обще-

ственной безопасности на долгосрочную перспективу в Стратегии национальной безопасности Российской Фе-

дерации до 2020 года названы усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом¹.

В Национальной стратегии противодействия коррупции указывается, в частности, что «несмотря на предпринимаемые государством и обществом меры, коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов... вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам... и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации»².

Рассматривая угрозы безопасности в политической сфере, особо следует остановиться на коррупционной угрозе избирательного процесса, являющегося весомой составляющей политического процесса России.

Борьбе с феноменом электоральной коррупции в последнее время стало уделяться большее внимание не только со стороны отдельных стран, в том числе и России, но и со стороны мирового сообщества³. Электоральная коррупция, представляя собой серьезную угрозу безопасности политической сферы жизнедеятельности обще-

ства, приводит к снижению легитимности власти, недоверию к ней граждан. В связи с этим актуальными являются проблемы обеспечения безопасности субъектов активного и пассивного избирательного права.

Криминологическая безопасность субъектов активного и пассивного избирательного права нами понимается как состояние, при котором в государстве защищены законные интересы и ценности избирателей и лиц, избираемых в представительные органы власти, от коррупционных опасностей (вызовов, угроз, рисков) (рис. 1).

Рис. 1. Элементы системы безопасности субъектов активного и пассивного избирательного права

Законные интересы личности субъекта избирательного права – психологически обусловленные представления

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 : [в ред. Указа Президента Рос. Федерации от 1 июля 2014 г. № 483] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20, ст. 2444.

² О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : указ Президента Рос. Федерации от 13 апр. 2010 г. № 460 : [в ред. от 13 марта 2012 г.] // Рос. газ. 2010. 15 апр. ; URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Ferraz Claudio and Finan Frederico. Electoral accountability and corruption: evidence from the audits of local governments (Massachusetts Avenue, Cambridge: National bureau of economic research, 2009). Walecki Marcin. Political money and political corruption: considerations for Nigeria / International foundation for election systems (IFES) Inec-Civil society forum seminar on Agenda for electoral reform. Abuja, Nigeria. 27–28 Nov. 2003.

кандидата на выборную должность, избирателя, электората в целом (как сообщества избирателей конкретного избирательного округа) о ценностях участников избирательного процесса (состоят прежде всего в реализации конституционных избирательных прав и свобод, в обеспечении личной безопасности непосредственных участников избирательной кампании и т. п.).

При этом под *ценностями личности субъекта активного и пассивного избирательного права* мы понимаем индивидуальные, групповые и общенациональные эталонные нормативные основания актов мышления и поведения субъектов избирательного процесса (политический плюрализм, свобода выбора, слова, мысли и т. д.).

При разработке содержания термина «*коррупционная опасность*» мы возьмем за основу подходы, применяемые профессорами О. А. Бельковым¹, Г. Г. Горшенковым², Е. А. Олейниковым³ и В. В. Щедриным⁴.

С позиций системного подхода профессор О. А. Бельков определяет *опасность* как объективно существующую возможность вредоносного воздействия на систему, в результате которого она прекратит свое существование или не сможет выполнять свои основные функции⁵. Источником опасности служит явление или процесс, свойство или развитие которого может причинить вред или разрушить систему.

Согласимся с мнением криминолога Г. Г. Горшенкова, который под такой опасностью понимает прежде всего правонарушение как «общественно опасное, виновное, противоправное деяние, наносящее вред личности, собственности, государству или обществу в целом»⁶.

Таким образом, *коррупционная опасность* в сфере выборов – это осознаваемая, объективно существующая возможность негативного (прежде всего противоправного) воздействия на объект защиты, определяемая наличием объективных и субъективных факторов, порождающих коррупционную мотивацию и свойства, в результате которого может быть причинен ущерб интересам и ценностям участников избирательной кампании.

Коррупционную угрозу субъектов избирательного права следует определить как коррупционную преступность в той мере, в какой эта часть преступности определяется прежде всего ст. 141–142.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме указанных статей, формами использования особенностей правового статуса участников выборов, несущими в себе коррупционную опасность, являются:

– злоупотребление властью (например, со стороны действующих депутатов органа местного самоуправления, баллотирующегося на второй срок);

¹ Бельков О. А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. 1994. № 3. С. 91.

² Горшенков Г. Г. Личность перед опасностью криминальной угроз : монография. Н. Новгород, 2006. С. 5.

³ Экономическая безопасность : учебник / под ред. Е. А. Олейникова. М., 2005. С. 28.

⁴ Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография. Красноярск, 1999. 180 с.

⁵ Цит. по: Щедрин Н. В. Указ. соч. С. 73.

⁶ Горшенков Г. Г. Юридическая безопасность как научная категория // Безопасность бизнеса. 2005. № 3.

– превышение власти (например, при реализации избирательных процедур, решении вопросов проведения митингов, шествий, иных форм предвыборной агитации);

– должностные подлоги (членами избирательной комиссии);

– хищения (например, средств избирательного фонда);

– неправомерное использование, а также фактическое злоупотребление конституционными избирательными правами, которые выступают подчас предметом торга. Сюда можно отнести незаконное вознаграждение избирателя за использование его права проголосовать при применении такой технологии, как «карусель» или торг с серьезным политическим соперником за снятие его кандидатуры с избирательной гонки и за призыв его электората голосовать за другого кандидата. Для сравнения: зарубежные ученые включают в содержание термина «электоральная (избирательная) коррупция» следующие деяния: избирательная халатность, избирательный проступок, избирательные должностные преступления, фальсификация выборов, избирательные манипуляции¹.

Как видим, в широком смысле *коррупционная преступность в условиях избирательного процесса* (электоральная коррупционная преступность) проявляется в уголовно наказуемых деяниях, связанных с предоставлением физическими и юридическими лицами, преступными группировками и сообществами незаконных материальных и нематериальных выгод участникам избирательного процесса, в связи с противоправным использованием последними возможностей своего правового статуса в рамках избирательного процесса в политических, корыстных или иных целях, а также в ответных уголовно наказуемых деяниях коррумпированных лиц в предоставлении указанных возможностей физическим и юридическим лицам, преступным группам и сообществам.

Однако официальная российская уголовная статистика ведет лишь учет преступлений, предусмотренных ст. 141–142.1 УК РФ, а иные преступления коррупционной направленности в сфере выборов остаются неучтенными (рис. 2).

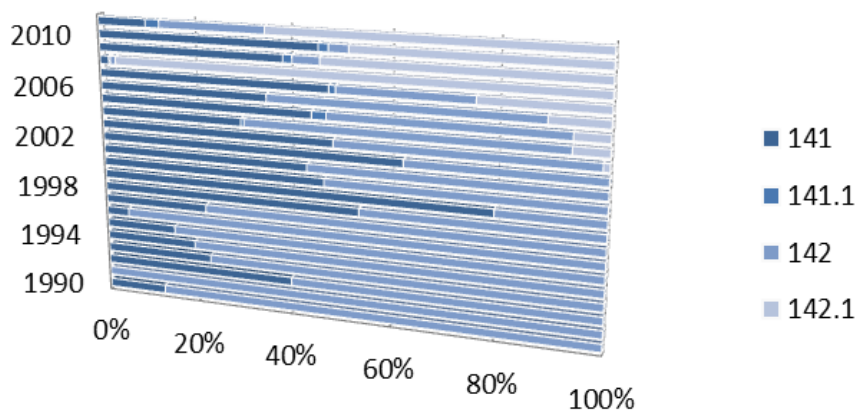

Рис. 2. Соотношение совершенных преступлений по ст. 141–142.1 УК РФ за 1990–2011 г г.

¹ Birch Sarah. Electoral Corruption. Institute for Democracy & Conflict Resolution – Briefing Paper (IDCR-BP-05/11). Part of the University of Essex Knowledge Gateway. BP 05/11. P. 2.

Лишь в 2000 г. была опубликована записка Правового управления Аппарата ЦИК РФ «О практике привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с выборами и референдумами, проведенными в Российской Федерации в 2000–2002 годах»¹. В ней отмечено, что за ук-

занный период в России было возбуждено 204 уголовных дела, связанных с выборами и референдумами, из них: 41 дело по ст. 141 УК РФ, 64 дела по ст. 142 УК РФ и 99 дел по другим статьям (рис. 3). При этом трудно определить, какая доля из них связана с фактами подкупа-продажности.

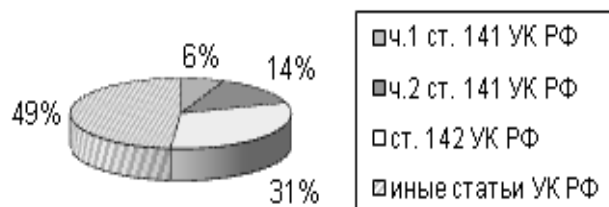

Рис. 3. Количество возбужденных уголовных дел по категориям электоральных преступлений за 2000–2002 г г.

Нами был проведен контент-анализ материалов правоприменительной практики и прессы, в результате которого были получены различные данные. В рамках настоящей статьи приведем лишь соотношение фактов подкупа избирателей и противоправных

действий членов избирательных комиссий (обусловленных, скорее всего, их корыстной мотивацией и стимулированием их преступного поведения материальными и нематериальными выгодами) (рис. 4).

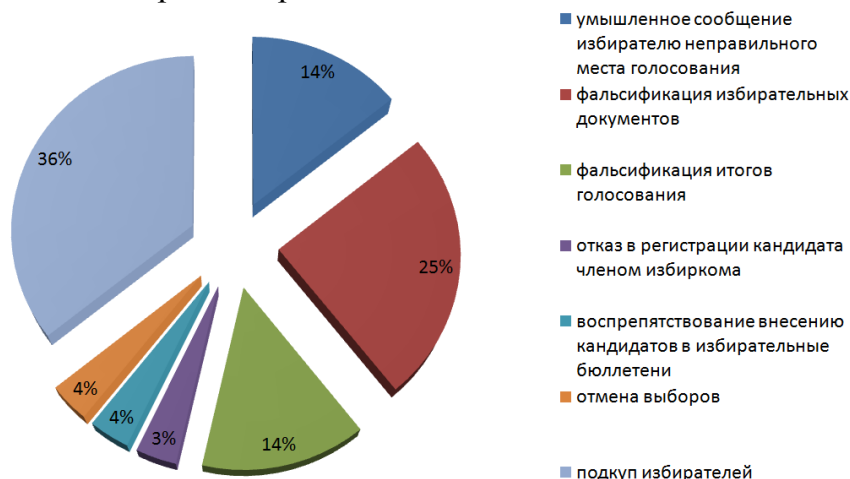

Рис. 4. Количественное соотношение фактов подкупа избирателей и противоправных действий членов избирательных комиссий

¹ Вестн. Центр. избират. комиссии Рос. Федерации. 2002. № 12. С. 142.

Таким образом, эта часть преступности остается высоколатентной и описание структуры и динамики коррупционной преступности в сфере выборов осуществляется в основном при помощи иных данных (контент-анализ правоприменительных материалов, материалов прессы, анкетирование участников избирательного процесса и т. п.).

Наиболее значимыми факторами, детерминирующими коррупционную угрозу безопасности субъекта пассивного и активного избирательного права, являются:

- преимущества должностного положения и недостатки правового механизма привлечения к ответственности за применение административного ресурса;

- отсутствие эффективного и полного контроля за расходованием средств на проведение избирательной кампании, помимо избирательного фонда, и за использованием преимуществ должностного положения лиц, избираемых повторно;

- низкий уровень благосостояния избирателей и вознаграждения за работу членам избирательных комиссий, провоцирующий их подкуп;

- правовой нигилизм, абсентеизм избирателей, низкий уровень правовой электоральной культуры, доверия к институту выборов и действующей власти и др.

Как отмечается в научной литературе, снижение, ослабление, устранение, предупреждение опасности, угрозы¹ (иными словами, нейтрализация самой угрозы) – одна из задач юридической безопасности. Другой задачей являются защита объекта (личности), стимулирование самозащиты участников правоотношений.

Объектом защиты от коррупционной угрозы в период выборов являются три группы участников (выделяемых по их функциональному назначению, правомочиям в избирательном процессе) (рис. 5).

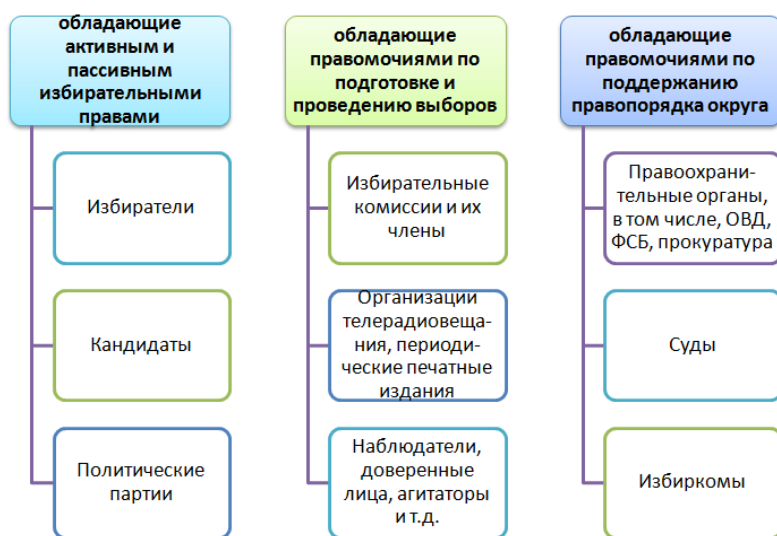

Рис. 5. Объект защиты от коррупционной угрозы в период выборов

¹ Тер-Акопов А. А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. С. 11–13.

При отнесении данных групп участников избирательной кампании к объекту защиты от коррупционной угрозы наибольший вопрос возникает в связи с определением субъектов активного избирательного права.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ряд авторов (Б. В. Вишневский, И. А. Дамм, С. И. Дулов, П. А. Кабанов, В. Л. Римский и др.) в качестве форм проявления коррупции в условиях выборов называют подкуп избирателей, хотя последние не относятся к «публичному должностному лицу», исходя из дословного толкования норм международных актов¹. Следуя логике указанных авторов, в один ряд с избирателями можно поставить кандидатов, их уполномоченных представителей, не обладающих статусом лиц, наделенных служебным положением, поскольку указанные субъекты избирательного процесса способны злоупотреблять своими правами (правом голосовать, быть избранным, представлять интересы и т. д.) из корыстных побуждений.

С большой долей условности можно использовать широкое толкование термина «публичное должностное лицо», если учесть, что в соответствии с п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против коррупции под таковым лицом может пониматься «любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию». Избиратель действительно выполняет публичную функцию по формированию органов власти, хотя ни к какой

ветви власти не относится. Такой подход вполне допустим, если вспомнить, что согласно Конституции Российской Федерации «...единственным источником власти в РФ является многонациональный народ» (ч. 1 ст. 3) и «народ осуществляет свою власть непосредственно...» (ч. 2 ст. 3), а «высшим непосредственным выражением власти народа являются... свободные выборы» (ч. 3 ст. 3) (курсив наш. – Ю. К.). Сложнее обосновать отнесение кандидатов и их уполномоченных представителей к субъектам коррупции, исходя из признаков последней. В данном случае можно применить термин «правовой статус личности», злоупотребляя которым, субъекты избирательной кампании (будь то избиратель, кандидат, член избирательной комиссии, следователь, расследующий уголовное дело по факту фальсификации выборов) готовы действовать по заданию заказчика, стимулирующего их к таким действиям.

В связи с этим правильнее было бы говорить не о коррупции, а об одном из видов некриминализованного в российском праве деяния – «злоупотреблении избирательными правами». Однако поскольку термины «подкуп избирателей» и «электоральная коррупция» являются устоявшимися, следует учесть особый статус избирателя, который он имеет в период выборов, и приравнять его к публичному должностному лицу при реализации им активного избирательного права.

С учетом вышесказанного в объект защиты от коррупционной угрозы

¹ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 янв. 1999 г. // Бюл. междунар. договоров. 2009. № 9. С. 15–29 ; Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31 окт. 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленар. заседании 58-й сессии Генер. Ассамблеи ООН // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26, ст. 2780.

будем включать всех субъектов избирательного процесса, злоупотребляющих своим правовым статусом для получения выгоды в личных целях и (или) по политическим мотивам с конечной корыстной целью.

Интересно отметить, что злоупотребления активным и пассивным избирательным правом в ряде зарубежных стран являются уголовно наказуемыми деяниями. Например, применяются следующие формулировки¹:

– использование избирательного права лицом, не обладающим им (ст. 168 УК Болгарии);

– участие в официально назначенных выборах лица, которое умышленно выдает себя за другого (ст. 128 УК Голландии);

– голосование лицом, не обладающим избирательным правом или правом голоса, от имени другого лица без его поручения или не в соответствии с поручением либо иным недопустимым образом (§ 266 УК Австрии);

– обманным путем незаконное присвоение себе или передача другому лицу права голосовать по общественным вопросам либо содействие этому (§ 107 УК Норвегии);

– совершение обманных действий лицом, участвующим в процедурах проведения выборов или в жеребьевке в отношении лиц, выдвигаемых на замещение государственных должностей посредством референдума или опосредованного голосования (ст. 397 УК Республики Сан-Марино);

– присвоение иностранцами или постоянно проживающими на территории Республики лицами без гражданства политических прав, принадлежащих гражданам Сан-Марино (ст. 399 УК Республики Сан-Марино) и т. д.

В § 107b УК ФРГ предусматривается ответственность за фальсификацию документов, относящихся к выборам. К способам таковой фальсификации относятся, в частности:

– подача ложных данных лицом с целью внесения его в список избирателей (избирательный бюллетень);

– выдвижение в качестве кандидата на выборах лица, не обладающего правом быть избранным.

Представляется, что самым оптимальным для российской правовой системы является опыт германского законодателя: необходимо закрепить аналогичные составы преступлений в УК РФ.

В развитие криминологической концепции антикриминальной безопасности (Г. Г. Горшенков и др.), криминального политического экстремизма (П. А. Кабанов и др.) представляется перспективным уделить внимание проблеме защищенности от коррупционной угрозы *электората* как определенной общности населения, проживающего на территории избирательного округа, угроза противоправного посягательства на которую предопределена ситуацией и смыслом избирательной кампании (рис. 6).

¹ Проанализированы тексты уголовных кодексов зарубежных стран, размещенные на федеральном правовом портале «Юридическая Россия» (URL: <http://law.edu.ru/>) и сайте Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (URL: <http://sartraccs.ru/>) (дата обращения: 29.06.2014).

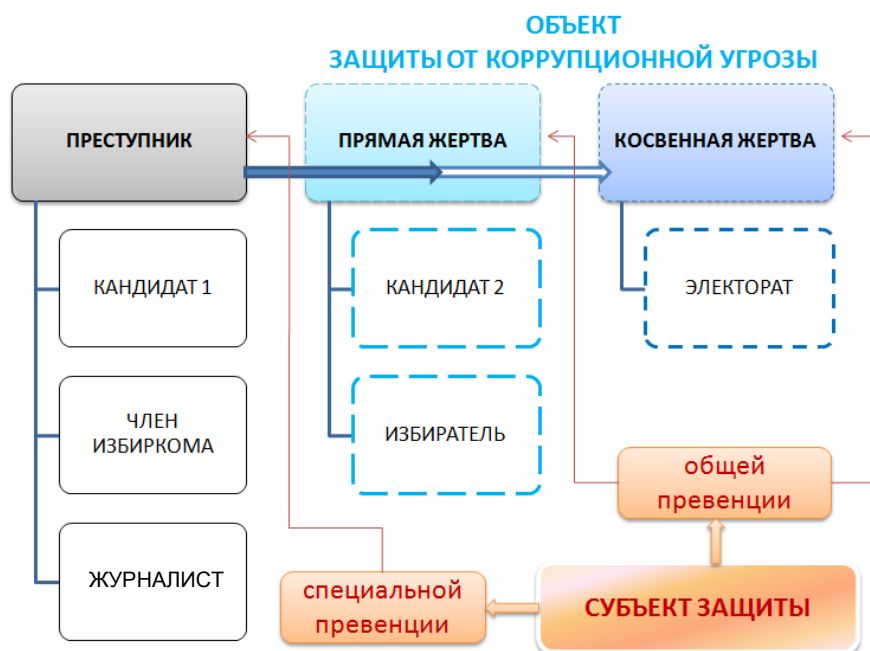

Рис. 6. Субъектный состав правоотношений безопасности участников выборов

В период выборов коррупционная угроза оказывается направленной на две группы субъектов: 1) конкретных физических лиц – субъектов активного и пассивного избирательного права: кандидатов – политических оппонентов; конкретных избирателей; 2) неопределенный круг лиц, к которым можно отнести избирателей конкретного избирательного округа, каждый избиратель которого вправе рассчитывать на законное проведение голосования и подведение его результатов.

Особенно наглядно это видно на рис. 7 и 8, где в качестве примера приведены модели электоральной виктимизации, которые связаны с незаконным косвенным финансированием (в том числе направленным на подкуп избирателей, кандидатов, членов избирательных комиссий и других участников избирательной кампании) и в которых электорат выступает косвенной жертвой преступления.

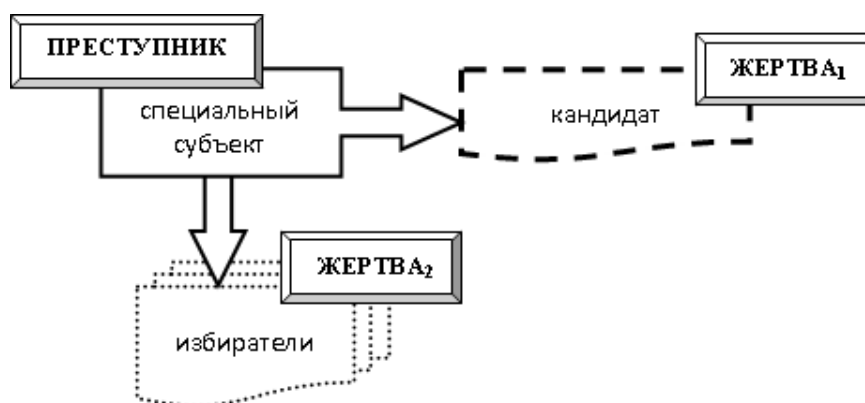

Рис. 7. Модель «поражение кандидата(тов) и избирателей организатором выборов путем фальсификации»

Модель «нейтрализация кандидата и избирателей путем незаконного финансирования преступника» (рис. 8) предполагает адресное ущемление прав кандидата(тов)-соперника(ков) на равные условия реализации своей избирательной кампании со

стороны конкретного субъекта и использование кандидатом-преступником полученных незаконно финансовых возможностей в целях косвенного неадресного (направленного на неопределенных круг) воздействия на волеизъявление избирателей.

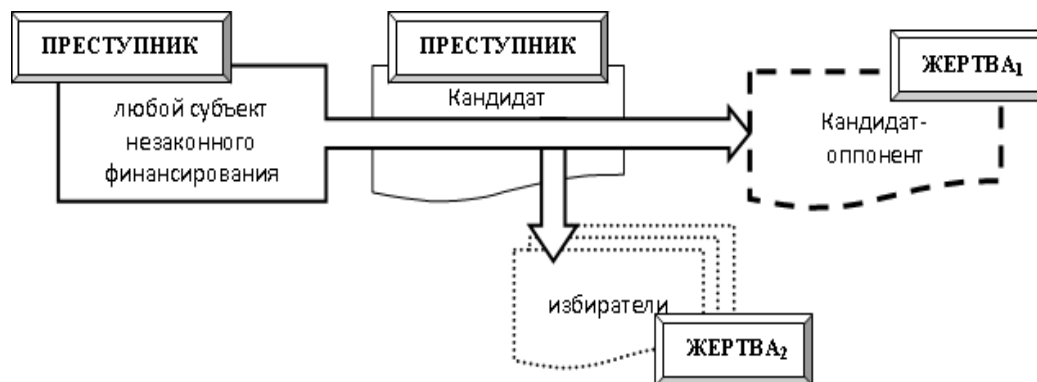

Рис. 8. Модель «нейтрализация кандидата и избирателей путем незаконного финансирования преступника»

Преступник – любой (неспециальный) субъект (в том числе избиратель, член избирательного штаба кандидата и др.), осуществляющий незаконное финансирование.

Как видим, электорату свойственно в той или иной мере подвергаться негативному воздействию коррупционного преступного посягательства. Такого рода свойство (повышенной уязвимости) в криминологии определяется как «массовая виктимность».

Политическая инертность электората, отсутствие правовой грамотности порой в элементарных вопросах избирательного права, гражданская несознательность в случаях, когда избиратели стали свидетелями подкупа, фальсификации и т. д., являются основными факторами виктимизации в указанной ситуации.

Неустойчивость системы ценностных ориентаций избирателей – жертв

электоральных преступлений – может быть объяснена и деформациями в правовой культуре. Правовая культура личности рассматривается в криминологии как личностный фактор, существенно влияющий на механизм поведения. При этом особое внимание отводится дефектам или деформациям правовой культуры, которые, как правило, играют криминогенную роль в механизме конкретного преступления. В связи с этим представляется особо важным в профилактических целях с позиций формирования антикоррупционного направления безопасности участников избирательной кампании изучать вопрос об особенностях российской электорально-правовой культуры и ее основного компонента – электорального правосознания с тем, чтобы системно формировать программу мероприятий по повышению защищенности избирателей от коррупционной угрозы.

Координация деятельности по общесоциальному предупреждению коррупционных преступлений в сфере избирательного процесса должна возлагаться на систему избирательных комиссий. Следует учитывать особенность статуса избирательных комиссий в системе органов власти, которая проявляется в их самостоятельности и независимости. Сосредоточение координирующих функций на ином (помимо

избирательной комиссии) органе может привести к дисфункции деятельности избирательных комиссий особенно в условиях применения административного ресурса. В связи с этим выход видится в наделении избирательных комиссий координирующими функциями по общесоциальному предупреждению, при том, что специальное предупреждение и его координация остаются задачами прокуратуры (рис. 9).

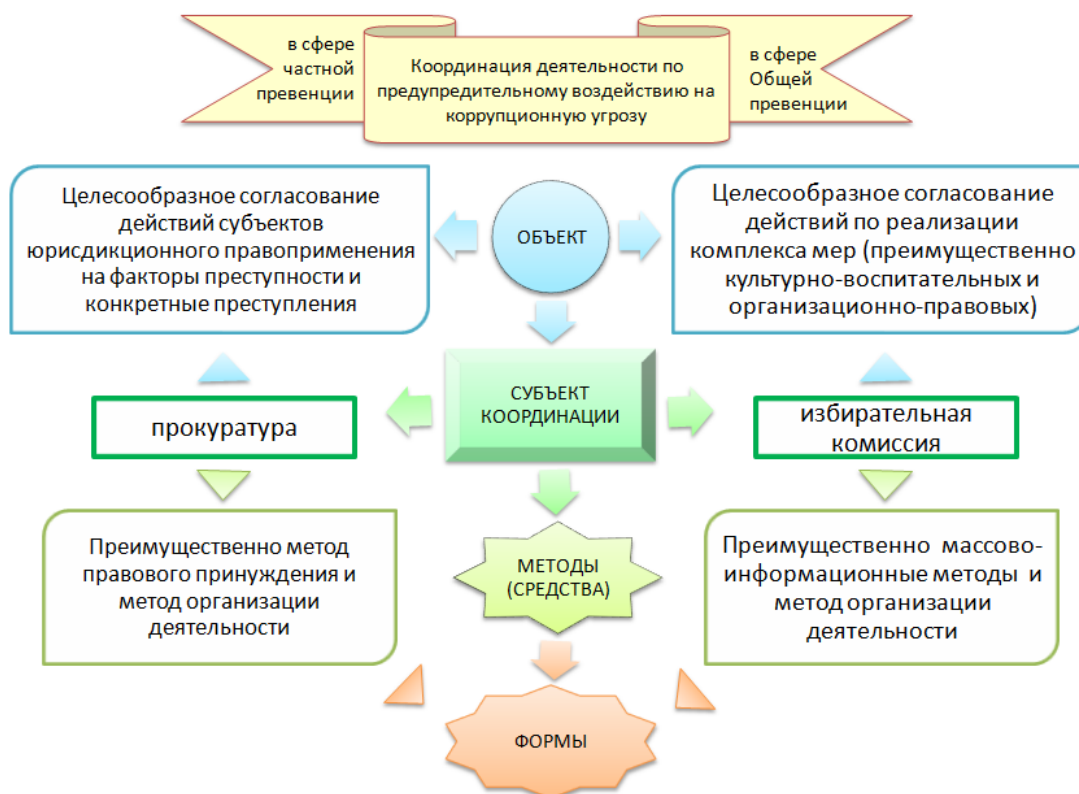

Рис. 9. Субъекты управленческого воздействия, обеспечивающие безопасность субъектов избирательного права от коррупционной угрозы

Координация деятельности по общесоциальному предупреждению коррупционных преступлений в сфере избирательного процесса – целесообразное согласование избирательной комиссией действий субъектов общей превенции в сфере избирательного процесса, осуществляемых в значительной мере с применением средств правового просвещения, направленных на повышение

правовой культуры участников избирательного процесса (включая избирателей, субъектов пассивного избирательного права, представителей средств массовой информации, субъектов предупредительного воздействия на преступность в сфере избирательного процесса и др.), а также организационно-правовых, социальных, финансовых средств, обеспечивающих проведение легитим-

ных выборов и соблюдение режима законности на территории избирательного округа.

В сфере частной превенции в рамках избирательного процесса роль координирующего органа выполняет прокуратура в лице прокурора, возглавляющего Координационный совет по противодействию преступности в сфере избирательного процесса. Стратегия координации должна находить свое отражение в совместных планах профилактических мероприятий, а также программах согласованных действий, утвержденных Координационным советом. Координирующим органом в сфере общей превенции должна выступать избирательная комиссия, отвечающая за организацию выборов на территории избирательного округа в лице ее председателя, возглавляющего Координационную комиссию по укреплению законности организации и проведению выборов. В состав комиссии должны входить правоохранительные органы, иные органы власти и представители гражданского общества (представители политических партий, объединений избирателей, средств массовой информации, образовательных и научных организаций и т. п.).

Субъект управленческого воздействия при разработке программ по обеспечению безопасности субъектов активного и пассивного избирательного права от коррупционной угрозы должен прежде всего определиться с временными показателями реализуемых мероприятий (межвыборный период/период выборов), при этом алгоритм управленческого воздействия должен строиться в зависимости от субъекта управления (избирательные комиссии/правоохранительные органы, суд). Механизм комплексного правоприменения в большей степени должен быть задействован во время выборов, в то время как неправовые средства, в особенности меры психологического, педагогического, просветительного характера, должны в большей мере реализовываться в межвыборный период.

В заключение отметим, что блок вопросов, подлежащих разработке в концептуальной модели антикоррупционного направления безопасности субъектов активного и пассивного избирательного права, должен включать цель и задачи-функции, объекты и субъекты, методы (средства) управленческого предупредительного воздействия на внутренние и внешние угрозы безопасности.

Библиографический список

1. *Бельков О. А.* Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности / О. А. Бельков // *Безопасность*. – 1994. – № 3. – С. 91–94.
2. *Горшенков Г. Г.* Юридическая безопасность как научная категория / Г. Г. Горшенков // *Безопасность бизнеса*. – 2005. – № 3. – С. 23–27.
3. *Горшенков Г. Н.* Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию (региональный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Горшенков Геннадий Николаевич. – Н. Новгород, 1997. – 441 с.
4. *Кабанов П. А.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование) : 12.00.08 / Кабанов Павел Александрович. – Казань, 2008. – 495 с.

5. *Тер-Акопов А. А.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции) / А. А. Тер-Акопов. – М. : МНЭПУ, 1998. – 196 с.

6. *Щедрин Н. В.* Введение в правовую теорию мер безопасности : монография / Н. В. Щедрин. – Красноярск : КГУ, 1999. – 180 с.

References

1. *Bel'kov O. A.* Conceptual-categorical Apparatus National Security Concept. *Bezopasnost'*. 1994. No. 3. P. 91–94.

2. *Gorshenkov G. G.* Legal Security as a Scientific Category. *Bezopasnost' Biznesa*. 2005. No. 3. P. 23–27.

3. *Gorshenkov G. N.* Mass-communicative Impact on the Criminological Situation (Regional Aspect). N. Novgorod, 1997. 441 p.

4. *Kabanov P. A.* Political Crime: Concept, Essence, Types, Causes, the Identity of the Political Criminal, Countermeasures. Kazan, 2008. 495 p.

5. *Ter-Akopov A. A.* Human Security (Theoretical Foundations of Socio-legal Concept). M., MNE'PU, 1998. 196 p.

6. *Shedrin N. V.* Introduction to the Theory of Legal Safeguards. Krasnoyarsk, KGU, 1999. 180 p.

БАШИМОВ Марат Советович – директор Института европейского права и прав человека, эксперт Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член Общественной палаты при Мажилисе Парламента Республики Казахстан, член Дисциплинарного совета г. Астаны доктор юридических наук, профессор

E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

ГОЛОВИНСКАЯ Ирина Викторовна – профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, профессор кафедры таможенного дела и гражданского права Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых доктор юридических наук, доцент

E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru

ГОЛОВКИН Роман Борисович – заместитель начальника Владимирского юридического института ФСИН России по научной работе доктор юридических наук, профессор

E-mail: golovkinrombor@mail.

ЖУРАВЛЁВ Владимир Иванович – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Российской международной академии туризма

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: Zhuravlev_vi@mail.ru

ЗРУБИН Иван Сергеевич – консультант Департамента стран Европы, Северной Америки и международных организаций Министерства экономического развития Российской Федерации

E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

КАТЕЕВА Динара Рамилевна – аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России

E-mail: kateevad@mail.ru

КЛИМОВА Юлия Николаевна – доцент кафедры таможенного дела и гражданского права, заместитель директора по учебно-методической работе Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: klimova_julia@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КРАЙНОВА Екатерина Романовна – помощник судьи Первого арбитражного апелляционного суда

E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

МАРКОВ Андрей Михайлович – начальник апелляционного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Владимирской области

E-mail: prokurator71@mail.ru

МЕЛЬНИКОВ Антон Сергеевич – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России

E-mail: ms91sambo@mail.ru

ПЕТРОВА Ирина Леонидовна – доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых кандидат юридических наук

E-mail: i-l-petrova@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВА Ольга Дмитриевна – директор Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: o_tretjakova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

BASHIMOV Marat Sovetovich – Director of the Institute of European law and human rights, expert of the Commission human rights the President of the Republic of Kazakhstan, member of the Public chamber at the Mazhilis of the Parliament of The Republic of Kazakhstan, member of Disciplinary Council of Astana city
Doctor of Law, Professor

GOLOVINSKAIA Irina Victorovna – Professor of Criminal Procedure and Forensic Studies Department of VLI of the FPS of Russia, Professor of Customs and Civil Law Department of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
Doctor of Law, Professor

GOLOVKIN Roman Borisovich – Deputy Chef of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia on Scientific Work
Doctor of Law, Professor

ZHURAVLYOB Vladimir Ivanovich – Head of State and Law Studies Department of the Russian International Academy of Tourism PhD (Law), Associate Professor

ZARUBIN Ivan Sergeevich – Consultant of the Department of Europe, North America and International Organizations of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

KATEEVA Dinahra Ramilevna – Post-graduate Student of Research and Teaching Staff Training Faculty of VLI of the FPS of Russia

CLIMOVA Iuliia Nicolaevna – Assistant Professor of Customs and Civil Law Department of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
PhD (Law), Associate Professor

KRAI`NOVA Ekaterina Romanovna – Deputy Judge of the First Appeal Arbitration Court

MARKOV Andrei` Mihai`lovich – Chief of the Appellate Division of Criminal Justice Department of Prosecutor Vladimir Region

MEL`NIKOV Anton Sergeevich – Post-graduate Student of Research and Teaching Staff Training Faculty of VLI of the FPS of Russia

ABOUT THE AUTHORS

PETROVA Irina Leonidovna – Assistant Professor of Theory and History of State and Law of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
PhD (Law)

TRET`IAKOVA Ol`ga Dmitrievna – Director of the Law Institute of the Vladimir State University named by A. G. and N. G. Stoletovs Doctor of Law PhD (History), Associate Professor

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы могут быть представлены в редакционную коллегию лично, по почте (600005, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, каб. 203) или по электронной почте vestnikvlg.u.pravo@mail.ru.

Автор представляет в редакцию:

- подписанную рукопись, выполненную в соответствии с правилами оформления рукописи;
- электронный вариант рукописи;
- сведения об авторе;
- согласие на обработку персональных данных;
- автор, не имеющий ученой степени доктора наук, представляет рецензию, подписанную доктором наук.

1. Рукопись предоставляется в отпечатанном на бумаге формате А4 (210x297 мм) виде с приложением электронного варианта в формате MS WORD на электронном носителе (CD).

2. Рукопись должна быть оформлена в строгом соответствии с требованиями ГОСТ 7.89–2005 «Оригиналы текстовые, авторские и издательские. Общие технические требования» и ГОСТ Р 7.0.7–2009. «Статьи в журналах и сборниках. Правила оформления».

3. Комплектность рукописи:

- 1) Код УДК;
- 2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, название организации – места работы, должность (полностью), ученая степень, ученое звание (при наличии)) (на русском и английском языках);
- 3) название статьи (на русском и английском языках);
- 4) ключевые слова (на русском и английском языках);
- 5) аннотация рукописи (на русском и английском языках);
- 6) основной текст (на русском языке);
- 7) библиографический список (оформляется по ГОСТ Р 7.1 – 2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления») (на русском и английском языках).

4. Авторский оригинал должен быть подписан автором (авторским коллективом) на титуле (подпись свидетельствует о том, что именно этот вариант прочитан автором и считается единственно верным) и пронумерован без пропусков страниц, включая рисунки, приложения и т. д.

5. Требования к набору текста на компьютере:

- основной текст – кегль 14-й, дополнительный – не ниже 12-го;
- рукопись представляется в одном экземпляре, отпечатанном на одной стороне писчей бумаги белого цвета формата А4;
- интервал между строками – полуторный;
- гарнитура шрифта Times New Roman;
- набор осуществляется в программе MS WORD или ее аналоге.

6. Оттиск шрифта черный, четкий (не допускается использование режима экономии тонера).

Абзацный отступ – 1,25 см.

Поля: верхнее, нижнее, левое и правое – 2,5 см.

Заголовки и подзаголовки печатаются прописными и строчными буквами (без подчеркивания и выделений в разрядку), отделяются от текста сверху и снизу одним интервалом.

Сноски должны быть постраничными, напечатаны через один интервал, пронумерованы и отделены от основного текста горизонтальной чертой.

7. Формулы. Высота букв формул должна соответствовать высоте кегля основного текста. Латинские буквы набираются курсивом (с наклоном), русские, греческие – прямым шрифтом. Между формулой и текстом должен быть обычный межстрочный интервал. Индексы набираются 12-м кеглем.

8. Таблицы. Текст таблиц набирается 12-м кеглем и распределяется равномерно по всему полю графы так, чтобы он не выходил за ограничивающие ее линии. Боковик таблицы должен быть отпечатан с соблюдением соподчиненности строк.

Числа (как в основном тексте, так и в тексте таблиц), имеющие более четырех знаков, должны подразделяться на разряды (по три цифры в каждом) с интервалом в один знак, за исключением чисел, обозначающих номера и даты.

Примечания и сноски к таблице должны быть напечатаны непосредственно под ней и обозначены звездочками.

9. Приводимый в рукописи фактический материал: описание событий, даты, статистические данные, собственные имена, термины, выдержки из нормативных актов и т. п., – автор (авторский коллектив) обязан выверить по официальным источникам. При обращении к нормативному акту необходимо указать его название, вид (закон, указ, постановление и т. д.), наименование органа государственной власти, его издавшего, дату подписания и номер. Загромождение текста большим количеством цитат не допускается.

10. Ссылки на работы, используемые автором, должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5– 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и не должны превышать 1/3 текстового материала, содержащегося на данной странице.

11. Образцы оформления ссылок и пристатейных списков литературы см.: http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/Regl.pdf